

КІ 1429972

vce

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЛЕНИНГРАД

1971

ИЗБРАННОЕ · В ДВУХ КНИГАХ

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

ИЗБРАННОЕ

2

К I 1429972

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

+ КД

Р
0 66

Оформление художника
А. Третьяковой

СТИХОТВОРЕНИЯ

|

* * *

Кто же первый сказал мне на свете о ней?
Я никак не припомню сейчас.
Может, первый назвал ее имя ручей,
Прозвенел по весне и погас.

Мог сказать бы отец, но я рос без отца.
В школе мать говорила, обучая детей.
Я не слушал, я ждал лишь уроков конца, —
Дома не с кем меня оставлять было ей.

А вокруг только небо, леса и поля,
Пела птица-синица, гуляли дожди,
Колокольчик катился, дышала земля,
И звенел ручеек у нее на груди.

Может, птица-синица, береза в лесах,
Колокольчик с дороги, калитка в саду,
В небе радуга, дождь, заплутавший в овсах,
Пароход, прицепивший на мачту звезду,

Рассказали, как это бывает, о ней,
Но тогда я, пожалуй, был робок и мал
И не знал языка ни сициц, ни дождей..
Я не помню, кто мне о России сказал.

ВЕЧЕР СТИХОВ В КОЛХОЗЕ

В колхоз далекий в пору сенокоса
Приехал я, чтобы стихи читать,
А после отвечать на все вопросы,
Какие станут люди задавать.

Здесь никогда поэтов не бывало,
Но мной в сельпо, между сапог и вил,
В строю бронюрок, желтых, залежалых,
Твардовский все же обнаружен был.

Вещала всем с дверей сельпо афинка
О том, что я писатель СССР.
А в клуб пришли девчонки и мальчишки,
Учительница, фельдшер, инженер.

Но я был рад. Колхоз встает с рассветом,
Лишь три часа за сутки спит колхоз,
Ему не до артистов и поэтов —
Бушует по округе сенокос.

Что мог бы я прочесть ему такое,
Достойное не просто трудовня,
А солнца в сенокос, росы и зноя, —
Нет, не было такого у меня.

И среди белых полевых букетов
Над кумачовым заревом стола
Я призывал на помощь всех поэтов,
Которых мать Россия родила.

А в зале льны цвели, цвели ромашки
На длинных лавках, выстроенных в ряд,
И тишина: ни шороха, ни кашля,
Лишь было слышно — комары звенят.

За окнами домой проплыло стадо,
Закат погас и смолкли ветухи.
Три женщины вошли и сели рядом
В платочках новых, праздничных, тихи.

На темных лицах, как на негативах,
Белели брови, выгорев дотла,
Но каждая из них, видать, красива
Когда-то в девках, в юности была.

Они отдали все без сожаленья
Полям и детям, помня о мужьях, —
Мне пусты показались сочиненья,
Расхваленные критикой в статьях.

И я прочел для этих трех солдаток,
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих...

КРУЖКА МОЛОКА

Гончар на круге деревянном
Ей отдал взмах руки своей,
А после печи цвет каляный,
Пожар малицовых углей.

Огня, воды и глины дружба
Застыла каменным цветком.
Ах, эта глиняная кружка
С парным душистым молоком!

Густым, ромашкового цвета,
Белей любых берез в селе,
Дар утренней зари и лета
На белом скобленном столе.

Под ручку пальцы вдеты снова,
В ладони кружка улеглась.
Глоток — как вдох в бору сосновом,
И вот уж утвердилась связь

С жарой, где воздух сенокоса,
Звения, пронзают овода,
С большим зеленым лугом росным,
Где речка стынет, как слюда.

Где женщина по рани первой,
По знобкой рани босиком,
Еще не выспавшись, наверно,
Уже прошла, звения ведром.

Ах, эти глиняные кружки
С парным душистым молоком,
Как их берут поутру дружно
Детишки, вставшие кружком, —

Белоголовы, синеглазы,
В рубашках, стиранных сто раз,
Двумя ладошками, как вазы
Берут хрустальные у нас.

Блестят от соли скипы хлеба,
Сопенье слышится одно,
И не глаза глядят, а небо
Глядит на глиняное дно.

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Рукав просторный засучив по локоть,
Сжимая пальцы в узел кулака,
Его валяют на столе широком
И бьют его с размаху под бока.

Нет, это не обычная работа,
Священнодействием нахнет на столе,
Встречаются здесь грохот обмолота
С порой весенней сева на земле.

Полет ладоней яростен и нежен,
Все праздничней крутая пляска рук.
Валяют хлеб на кухне первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.

Дожди и ветры пролились на камень,
Гром прогремел заслонкой, день окреп.
Веснушчат, рыж и кругл, как солнца пламень,
На кирпичках благоухает хлеб.

О пем звенит считалка, пляшут дети,
Газеты пишут, и в штормах судеб
Есть мера высших ценностей на свете —
Любовь, как хлеб, и дружба, словно хлеб.

А в кухне окна пастежь, пахнет мятой,
Горячей глиной, молоком парным,
Хрустящей коркой, дымом горьковатым
И полевым простором распашным.

На полотенцах петухи горласты,
Белы полы, как на реке песок.
И все предметы к торжеству причастны,
А день просторен, светел и высок,

МЫТЬЕ ПОЛОВ

Как моются полы до белого каленья? —
Перегибая сильные тела,
Подолы подоткнув и обнажив колени,
Хозяйки моют пол в субботу добела.

Грохочут чугуны, гоняют тряпки воду.
Тяжелым кбсарем раздроблена дресва,
Со целоком парным и грацией свободы
На праздник утверждаются права.

С угла и до угла летает поначалу
Березовый голик, раздавленный ногой,
Обсыпанный дресвой, пока молчат мочала, —
Всему черед и честь, как в каждой мастерской.

Здесь чистоту творят, а не полы здесь моют.
Ладони горячи, и рук полет широк,
И лифчики трещат. Здесь дело не простое,
Здесь каждый бы из пас за две минуты взмок.

А им хотя бы что! Они как будто рады,
Лукавы их глаза, и плеч изгиб ленив...
Я тоже мыл полы в казарме по наряду,
Но не был весел я, тем более — красив.

А во дворе горят половиков полотна,
Как радуги на кольях у ворот.
Хозяйки моют пол под нраздвик, в день
субботний,

И праздник настает...

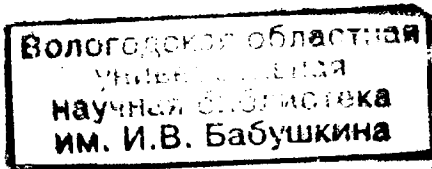
Щ И

Из лавки овощной доставленный,
Кочан капусты— это сгусток
Поэзии, но не прославленной,
Поскольку он— кочан капусты.

Кочан капусты — это золото
Дождей, качающихся, грузных,
И жарких дней, на солнце колотых,
В клубок закрученное с хрустом.

В нем пенье птиц, ветров смятение,
Прохлада тепи, запах мяты,
И первое тепло весеннее,
И звон отточенной лопаты,

И холодок росинки маковой,
Алмазной, гордой и прозрачной,
На листике рассады лаковым
Оброшенной зарей кумачной.

1429972

Поэзия опубликована,
Все начинается как вызов.
Сталь синяя секпры кованой
И плаха, струганная снизу.

Река в кастрюле медной взорвана,
Топочет пенными кругами,
Шипит плиты планета черная
И брызжет синими цветами.

О, георгини кухни газовой,
Железные цветы горелок!
Кочан капусты волей, разумом,
В своей работе наторелым,

Разделан на лапшу и звездами
Колочей соли пересыпан.
А вот уже и лавры возданы
И перцем сдобрены до всхлипа.

И клубы пара ходят тучами,
Пахучи, яростны, приветны.
Щи возвышаются могучие.
Над ними небеса и ветры.

Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как Библия,
На них глядят, их ждут, их налили,
Они воскресли и погибли!

У КОСТРА

В глуши таежной па сплавной реке,
Воткнув багры, как будто копыя, в боны,
Как в песне, на песчаном бережке
Стоят, сидят и курят плотогоны.

Одним бы надо за пять верст в деревню,
Другим в барак бы рядом до утра,
Но вот они, большие, как деревья,
Сошлись у одинокого костра.

Уха в котле старательно клокочет,
И, руки на колени положив,
Перед явленьем необъятной ночи
Они примолкли, обо всем забыв.

Как трещинка в стекле, как паутинка,
Звенит комар, а может, кровь звенит,
Неслышно закрываются кувшинки,
И льются струи на реку рапшт.

Омытые закатом, за лесами,
Как белый город, встали облака,
И между смоляными берегами
Недвижна света полная река.

Тяжелые, сколоченные грубо,
Из рук не выпускавшие багра,
С реки не уходили лесорубы,
Бывало, от утра и до утра.

Не уходили и не замечали,
Среди какой красы они живут:
В безлуном блеске белой ночи дали —
Леса и взгорья, сказка наяву.

А тут костер, свободная минута,
Сверкнула в небе золотом стреха,
Стоят и не уходят почему-то,
И выкидает на костре уха.

Стоят, как будто в храме, лесорубы,
И тень улыбки бродит по губам,
И, словно в детстве, вздрагивают губы,
Как будто что-то шепчут по складам.

Г А Р М О Н И К И

Над базаром музыка властвует,
Сто гармоник поют в углу,
Голубые, алые, красные,
На морозе поют к теплу.

Пар кудлатый клубит над лицами,
Снег укатан, словно каток.
Люди скидывают рукавицы и,
Свой трех отвернув чуток,

Наклоняют ухо и слушают,
Выбирают ту, что нужна,
Чтобы тешила вдоволь душу им,
Голосиста была и нежна.

Выбирают свою, особую,
Среди тысячи голосов.
И на слух и на ощупь пробуют
Песню, пляску, грусть и любовь.

Уж чего бы так, ведь гармония,
Не орган тебе, не оркестр...
Эх, гармония — филармония,
Да и опера сельских мест.

За нее трудовые, кровные
Отдают без боли рубли,
На плечо ремешок, и, словно им
Привалило счастье, — пошли

Лесорубы, шоферы, пахари —
Все поклонники красоты...
А гармони поют и ахают,
И цветут на мехах цветы.

А базар еще пуще прежнего
Дымный воздух рвет городской
Громкой удалю, грустью нежной,
Буйной радостью и тоской.

Д В Е Д А Л И

Даль одна, ближайшая, темна,
А за ней — прозрачная от света.
Золотой жары полным-полна...
Так бывает в середине лета.

Здесь вот-вот на тихие луга
Хлынет дождь, и гром ударит зычно,
Там сгребают сено, мнут стога,
Медом зной стекает с плеч кирпичных.

Пятнами цветными на песке
Брошены у речки сарафаны.
Девушки купаются в реке.
Дали две — различные, как страны.

И кукушка там и тут слышна,
Счет ведет и радостям и бедам,
Но звучит по-разному она,
Эта леса синего беседа.

Тем девочкам под ноги летят
Без подсчета годы, как полтины.
Пропустить боясь, сижу, объят,
Словно грустью, песней кукушинной.

Прозвучит короткое «ку-ку»,
Жду, когда еще одно обронит,
Как колечко с камешком в реку,
Или замолчит и похоронит.

А девочкам просто наплевать,
Распустили косы, ноги босы,
Сколько жить — считать не сосчитать,
Мять траву без спросу на покосах.

Солнышко у них над головой.
Отдаются небу, ветру, водам...
Тень и свет, прохладный день п зной
Под одним бескрайним небосводом.

ДИОНИСИЙ

1.

Умели деды строить грады
И веси на Руси святой.
Стоят они, очей отрада,
Красой равняясь с простотой.

На наших северных широтах, —
Видать, для света и тепла, —
Как солнышки ручной работы,
Горят над ними купола.

За Вологдой в дали таежной,
В конце проселка на пути,
Зайдешь под свод, и невозможно
Глаза от света отвести.

Веселый грешник Дионисий
Здесь песни пел и краски тер.
Он перенес на стены кистью
Тепло зари и синь озер.

Шеренги праведников рослых
Стремятся в рай, а там встают,
Толпятся мачтовые сосны
У Дионисия в раю.

Рай па горах, в бору с брусникой...
А может, правда, рай — в лесу?
Мой край родной, мой друг великий,
Как опишу твою красу?

Пылает северное лето,
Недвижны сосны. Спит вода.
И, на стожар в лугу падета,
Дрожит вечерняя звезда.

А в дальней дали с новой силой
Через дремучие леса
Старинный град, райцентр Кириллов,
Плывет, расправив паруса.

2.

Я видел рай не на небе,
Он в душу мне запал.
Его художник нанятый
В церквушке написал.

Но неподкупна кисть его.
И вот живет века
Работа Дионисия,
Как поле, как река.

Рай с соснами косматыми,
В бору заречном он,

С брусникою, с опятами, —
Я в этот рай влюблен.

А он, видать, без памяти
Любил свой бедный край,
Его на стенах каменных
Изобразив как рай!

ПОБЫВАЛЬЩИНА

Здесь лесов-то тьма, а в лесах Тотьма
Утопула — не видно крыш.
Как придет зима, занесет дома,
Сверху Тотьмы не разглядишь.
Все леса, леса, вплоть до полюса,
И на юг леса, на восток,
За околицей хвоей колются,
Пробираются без дорог.
А в лесах она, река Сухона,
В ней веслом до дна не достать,
Как придет весна, думы вслух она
Начинает петь-паневать.
Она баскими дарит сказками,
А за сказками бает быль,
Быль пеласкова, глубь опасная,
Разбиваются волны в пыль.
По реке плоты
В сорок две версты.
До небес семь верст
Лесом все...

В небе тыщи звезд,
Месяц в полный рост,
И медведи ходят в овсе.
Хочешь — верь, не верь,
Приезжай, измерь,
Не мешай человеку врать.
Это просто проверить
Тебе теперь —
Самолетом рукой подать.
Полчаса не срок, городок у ног,
И леса стоят, как сказал,
Только вот, браток, что насчет дорог, —
Про дороги я не соврал.
К нам дороги ягою мерены
Лет полсотни назад клюкой,
И клюка ее здесь потеряна,
В темном лесе за Юг-рекой.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ВОЛОГДЕ

Как колоколья ростом длинец,
Сажень в плечах, глазаст, усат,
Царь прибыл в город по причине
Совсем не царской, говорят.

В ботфортах, сшитых саморучпо,
С дубиной, струганной ножом,
На складах пристанских, как крючник,
Царь околачивался днем.

Беседы вел с мастеровыми,
С купцами пил, табак курил
И, царское роняя имя,
Пешком по Вологде ходил,

Собак дубиной отгоняя.
Монашки, глядя вслед ему,
Крестами перси осеняя,
Гадали, что теперь к чему,

В глазах его бесовских пламя,
Дым из поздрей, как две струи,
И кукиш делает перстами
При том на храмы божии.

А паче, даже думать срамно,
Царь отбывает на покой,
Стуча перстом в перстне по раме,
К вдове над Вологодой-рекой.

Ах, либе Анна, либе Анна,
Вдова голландского купца,
Добра, вальяжна и желанна,
Хотя и девочка с лица.

У ней атласы на перине,
Из Амстердама в склянках ром.
Что до утра в царевом чипе
Он с Анной делает вдвоем?

Тут замирают дух и сердце, —
А царь по Вологде спешит,
Весь солнцем пропечен, как перцем,
Ушкуйник, а не царь на вид.

Он смел в любви и лих в застолье,
Но перед ним сейчас вдали
За речкою не лес да поле,
А море, флаги, корабли.

И Анне в горнице не спится:
Опять на дереве в окно
Поет томительная птица
И жжет в постели полотно.

* * *

Две крутых соболники
Над рекой-синевой.
С торжеством и грустинкой
Низкий голос грудной.

Темным вишнею спелым
Тронут маленький рот.
Золотых, загорелых
Плеч покатый полет.

Словно вверх по ступеням,
На троне полевой
С ней летит по коленям
Синий ситец волной.

И встает и не сводит
Глаз при встрече народ, —
Словно юность проходит,
Словно счастье идет.

* * *

Над полированной рекой асфальта,
То голубой от утренней росы,
То от огней сверкающей, как смальта,
То черной от дождя и от грозы,

Перед щитом с рекламою туризма
Среди потока «ЗИЛов» и «побед»
У въезда в город, белый словно призрак,
Встает он с камня из далеких лет.

Пред ним цветы разбрасывает лето,
И, всех оттенков радуги, пестры,
Шелков и ситца полные «кометы»
Уносятся на взморье от жары.

А он все поднимается с гранатой,
Рвет гимнастерку на своей груди,
По-юношески легкий, угловатый,
И видит только танки впереди.

* * *

Все, говорят, на свете образуется,
Все в жизни станет на свои места.
И Дон Кихот под старость образумился,
Но разум не надгробная плита.
Прихлопнешь разве разумом стремление
Быть искренним, и честным, и прямым
И все свои печали и сомнения
Нести на люди, обращаться к ним.
У юности в крови есть жажда поиска.
Она сама как поиск и равна
Той жажде, что вела людей до полюса
Жары, вершины, холода и дна...
Меня недавно подвели товарищи,
Не предали, а час такой настал,
И подвели, — подумаешь, удар еще,
Не молод я и многое видал.
Горел, и мерз, и пировал как следует,
Ну, подвели — отбился, пустяки.
Но мысль одна с тех пор меня преследует —
Как быстро образумились дружки,

Разумные, врагов себе не нажили,
А я, как был, останусь им дружкой,
Но в дружбе что-то все-таки загажено,
И это не отмоешь коньяком.
Да здравствует святая сила разума,
Быть не рабом — хозяином страстей
И поступать, как юностью наказано
На дымном гребне фронтовых почей.
Пусть не благоразумная — победная
Идет без страха молодость в зарю.
Я буду стар, как перечипца медная,
Но и тогда я это повторю.

А Л Е Ш Е Н Ь К А

Словно в горле песенки горошинка —
Пропую, а не произнесу.
Есть такая станция — Алешенька,
Как трюничка к поезду в лесу.

В двух шагах от каменного города,
А как бы у света на краю,
Не известна никому, не дóрога,
Сторожит стальную колею.

Ливнем стали и стекла по линии,
Будто на колесах города,
Никелем оковапы, как инсем,
Мимо пролетают поезда.

Сколько Алексеев и Аленецк
В сутолоке, в гrome, в суете
Названо, окликнуто, опронено
На лесной сороковой версте?

Мимо всё. С печальями, с улыбками
Без ответа мчатся поезда.
Что-то человеческое, зыбкое
Потерялось в громе навсегда.

Двести лет прошло с тех пор, как брошено
Лесу, полю, солнцу и реке,
И летит: «Алешенька, Алешенька» —
А ответа нету вдалеке...

ЧЕРЕМУХА
НА ПЕТРОГРАДСКОЙ
СТОРОНЕ

На Петроградской расцвела черемуха.
Вы слышали, вы видели ее?
Она стоит вся белая, огромная,
Как сказка, опустившись в бытие.

На каменной земле, в ущелье каменном,
Как будто бы в лесу своем, она
Цветет себе торжественно и пламенно,
Среди деревьев парковых одна.

Вы скажете: как, в городе черемуха?
Да, в городе черемуха, скажу.
Воскликнете: цветущая, огромная?
Да, белая, — не зря о том твержу.

Не зря соседка-девочка до вечера
Крахмалила и гладила белье
И на иголках-каблучках доверчиво
Спешит сейчас, похожа на пес.

Идет, почти асфальта не касается,
Как песня, устремленная в закат,
Вдоль по проспекту Кипрова, красавица,
И на нее все встречные глядят.

Ей мать твердила ласково и яростно:
«Ну что ты в нем хорошего нашла,
Не будет у него до самой старости
Ни славы, ни двора и ни кола».

А в городе светло, до часа раннего
Любовь, от робкой близости хмельна,
Гуляет без скупого, ресторанного,
Дешевого крепленного вина.

Весь город для нее — как зала тронная,
От Охты и до Стрелки, посмотри, —
Она повсюду шествует с короною
Немеркнувшего золота зари.

И я ее искал порой знакомою —
И не нашел. Но не вишю любви.
На Петроградской расцвела черемуха,
А холодок сквозит у нас в крови...

СОРОК ЛЕТ

Старой песенки этой не скоро
Отзвонит беспощадный мотив:
«Сорок лет — бабий век».
Нашим девушкам пынче под сорок,
Отлюбили они, не любив.
Были жаркими косы и руки,
Но из целого счастья
Взахлеб
Им достался одной лишь разлуки
До сих пор не прошедший озноб.

Только вовсе не жалости ради
И не праздно сочувствуя, я,
Им в глаза беззаветные глядя,
Сокрушен, как за други своя.
Слов не сказанных,
Песен не спетых,
Как ушедших годов, не вернуть.
Начиналось далекое лето
И сгорело в глазах — не взглянуть.

Видно, правда, что ровно полжизни,
А быть может, и больше, с собой
Унесли от них те, что отчизне
Присягнули своей головой.
Где-то высятся душные грозы,
Где-то луны томят до утра,
Обжигают прохладные звезды
И кострами знобят вечера.
Кто-то, вскинувши руки под вобом,
Полыхает, как в пламени куст...
Это все не о них, это небыль.
Но я их утешать не берусь
Тем, что было не зря. Они знают,
Знают бабьей недолей, тоской,
Раз костры по ночам полыхают
И гремят соловьи за рекой.

Утешение слабое это,
Вовсе в том утешения нет, —
На земле не кончается лето...
«Сорок лет — бабий век», —
Весь ответ.

* * *

Уходит в небо с песней полк
От повара до командира.
Уходит полк, наряжен в шелк,
Покинув зимние квартиры.

Как гром почной аэродром.
Повзводно, ротно, батальонно
Построен в небе голубом
Десантный полк краснознаменный.

Там, в небе, самолетов след —
Как резкий свист кинжальных лезвий,
Дымок дешевых сигарет
И запах ваксы меж созвездий.

Пехота по небу идет,
Пехота в облаках как дома.
О, знобкий холодок высот,
Щемлющий,
Издавна знакомый.

По тем болотам подо Мгой,
Где мы по грудь в грязи тонули
И поднимались над кугой
На уровне летящей пули.
Смотрю, как мерзлую лозу
Пригнуул к земле железный ветер,
Стою и слушаю грозу,
Как будто первый раз заметил,

Что подвиг, как бы он высок,
Как ни был бы красив, — работа.
И пахнет кирзою сапог,
И звездами, и солью пота...

В ГОСПИТАЛЕ

По железному карнизу
У больничного окна
Ходит голубь тучкой сизой,
Золотого ждет пшена.

Госпитальная палата,
Запах йода и тоски:
Кормят голубя ребята —
Бывшие фронтовики.

Слабые от операций,
Бледные до зеленя,
Вот уже как лет пятнадцать
Жить мешает им война.

Ветерком двоих качает,
Кто-то стонет, кто-то спит,
Зорькой, цветом иван-чая
Грудка голубя горит.

Он обходит подоконник;
Осторожней, чем к огню,
Тянутся к нему ладони,
Мявские, как воск, броню.

Веткой синих вен повиты,
Слабы руки у ребят.
Ходит голубь домовито,
Глаз кося, вперед, назад.

Вовсе не эмблема века,
А живое существо
Под защитой человека,
Утешение его.

* * *

Где-то горны еще гремят,
День в крови и пепле багров,
Но кончается век солдат,
Наступает век мастеров.

С этим надо считаться всем.
Стало ясно во всех верхах —
Не удержишь мир на штыках
Даже самых новых систем.

С этим надо считаться всем,
Кто играет еще с огнем,
Шар земной предназначен тем,
Кто для мира живет на нем.

Он недаром сумел расцвести
Под огнями вселенских гроз
В лепестках океанов весь,
Как цветок голубой меж звезд.

* * *

Я много слышу о параде:
Народ могуч, велик народ.
То он умен и благороден,
То он чего-то не поймет.
«Народу этого не надо,
Народ пока что не дорос...»
А он воздвиг атомограды
И головой коснулся звезд.
К его ногам короны пали,
И в звездный час свой, в грозный год
Он нам открыл такие дали,
Что кругом голова идет.
Должно быть, он великий гений,
Но даже гениев народ —
Мой Пушкин, мой Толстой, мой Ленин —
Как сыновей в веках зовет.
И все ж летит из ближней дали,
Под скрип истории колес,
Звон двух сторон одной медали —
«Народ пока что не дорос».

Трепещит банка от размышлений,
Так что же все-таки народ?
Кто он, младенец или гений,
Гигант или наоборот?
А он иной заботой занят,
Давно, решительно, всерьез,
И в Казахстане, и в Рязани,
И где-то там уже, у звезд.

* * *

Как трудно делалась история.
Ее ни вождь, ни царь, ни бог,
Полна история которыми,
Построить бы один не мог.
С огнем, с железом дело спорилось.
Рабочие в цехах стальных
Бесстрашно делали историю,
Не покладая рук своих.
Крестьяне делали историю.
Как солоп пот, крестьянский пот.
Хлеба растили, избы строили.
В счастливый год и в недород.
Солдаты делали историю.
Не сладкий труд, солдатский труд.
Они вставали и не спорили,
И шли туда, куда пошлют.
Она и солоня и дѳрога.
И в годы трудные народ
В ней силы черпает, в истории,
И в счастье до небес встает.

Она и без прикрас великая,
И из нее во все года
Нельзя, как в песне, слова выкинуть —
История одна всегда.

ОДНА ЛЮБОВЬ

Поэма

В окне вагона, как в портретной раме,
Огнем освещена, отдалена,
Она стояла, как двумя ручьями,
Стеклом и тишиной отделена.

Уже во власти скорого движенья,
Еще вблизи, но вся уже в пути,
И ждать не в силах было отправленья
Так, как не в силах было отойти.

А стук колес все назревал и медлил,
Свистилось в раме темное лицо,
И жар волос литых с отливом медным,
И на руке, как искорка, кольцо.

Сейчас ударят знаки отправленья,
Сейчас качнется влево и пойдет
Покатых плеч короткое смятенье,
Ладоней пламя и волос размет.

На пальце, брызнув, искорка растает,
Все блики света вдруг поглотит тьма,
И предо мною пустота предстанет,
Стена забора, рельсы и дома.

На кой же черт придуманы вокзалы!
Как будто без вокзалов под луной
Для расставанья стало места мало
И не похож на них весь шар земной.

А может, для того нужны вокзалы,
Чтобы в минутном грохоте колес
Вдруг родилось, пришло и отсверкало
Все, что в года вместить не удалось.

*

Меня в любви не стергли удачи,
Любил ее, как грех, за красоту,
За низкий голос с трещинками плача
И смеха ключевую чистоту.

Волос летели солнечные кольца,
И счастьем и разлукою грози,
Глаза глядели серые, с монгольским
Косым разрезом, стрелами глаза.

А ноги были у нее от шеи —
Попробуй за такую угонись,
Но если и погонишься за нею —
Так времени не хватит, надо жизнь.

Она как ветер, не давалась в руки,
И вдруг сама могла тебя обжечь,

И заявить, что это так, со скуки,
А не любовь, и не об этом речь.

Над городком сходились зори лета...
Черемуха гуляла, как зима.
Смолою пахли до ночи, нагреты,
Заборы, тротуары и дома.

Ночей июньских белый плеск и пламень
Стоял, бушуя, звезды погасив,
Над озером за синими лесами
Нас на короткий миг соединив.

Да, молодость была еще причиной,
Неясное брожение в крови.
Там, где бродили мы, как бедуны,
В торжественных владениях любви.

Где вдруг на миг она к тебе прижметя,
Пред тем, как скрыться на крыльцо впотьмах,
И женское мелькает превосходство,
И любопытства холодок в глазах.

Ах, эта дробь по мостикам дощатым!
Стучат, стучат беспечно каблучки.
Я слышу вновь их, как слышал когда-то,
Всегда близки и вечно далеки.

Стук каблучков по памяти, по датам,
По странам, по дорогам, городам
Мальчишке слышен, слышен и солдату,
И слышен нынче, к сорока годам.

Четыре года, вечности четыре —
Огня, брони, снегов, госпиталей —
В исхлестанном свинцом и кровью мире
Меня в любви не сделали взрослей.

В глаза мои в упор из-под ресниц
Взглянуло небо солнцем и покоем,
И жаркий ливень мальв и медуниц
На полотне метнулся, беспокоен.

Пылало с белой ямочкой плечо,
Сияющее яблочным загаром,
И жгло меня спокойно, горячо,
Открытое совсем вблизи недаром.

Вот тут бы взять ее и увести
На край земли навеки за собою,
В дуга, где тонко куличок свистит,
Мягкая трава и дремлют маки стоя.

На край земли... Я видел край земли —
Окоп солдатский с бруствером горбатым.
Там маки крови рыжие цвели
И травы пахли толом горьковатым.

А я, чудак, как пень деревенел,
Курил табак и говорил до света,
И все не то и не о чем хотел,
И Пушкина цитировал при этом.

Среди екатерининских берез,
На узенькой скамейке из штакета
Часа в четыре ночи, все всерьез...
Я пожалел об этом в то же лето.

*

Любила ли? По-своему любила,
Как женщина мальчишку, как могла.
Но с глаз долой — из сердца вон.
Забыла?
Нет, не забыла, но с другим ушла.

Уехала. Сыграла свадьбу где-то,
А весело ли, грустно, — все равно.
Шел год победы, — в нем рекой в то лето
Плескались счастье, слезы и вино.

Теперь легко пережитые были
Мести, клубить, как папиросный дым,
А мне в ту пору неуютно было —
На белом свете столько лет и зим.

Но на него я вовсе не в обиде.
На свет. Кто обижается на свет,
Тот ничего, наверно, в нем не видел...
Свет белым был ночами от ракет.

И зыбким был. Но снова у дороги
Свистит свистулькой тонкая лоза,
Звенит, как обруч, солнце на пороге,
Топочет ливень, падает гроза.

*

Но кто считает, что Земля кругла?
Давно известно, что Земля горбата.
К одним щедра, к другим скупа и зла,
И дело не в зарплатах и заплатах...

Над нею солнце круглое встает,
И круглый год жара, дожди, метели, —
Свершается стихий круговорот,
И в этом цель, а не дорога к цели.

Протравлен солью, пылью пропылен,
На сапогах земли пудовой комья,
И звездной жаждой к миру опален,
Не тосковал годами ни о ком я.

Стояло время, и текли края,
Пески, пустыни, горные откосы,
Серебряная ниточка ручья
И воли морских зеленые колеса.

Но как-то у притихшего огня,
С оказией придя за перевалы,
Письмо от старого дружка меня
У озера Телецкого догнало.

Снадал костер, шумела тишина,
И в том конверте две строки вначале
О женщине, о том, что вдруг она
Ему сказала обо мне, кричали.

И их тоска, как радость, обожгла,
И время взорвалось костром косматым.
И я поверил, что Земля кругла,
Кругла Земля, а вовсе не горбата.

*

Готический приморский городок,
Где храмы, как гигантские ракеты,
На площадях стояли у дорог,
Клубил сиренью в ожиданье лета.

Казалось, этот дым уже клубит
Из-под конгрессов, как из дюз, на плиты
И город вдруг взвывается, улетит
К сияющему белому зениту.

Но, не интересуясь старшиной,
Я проходил по улицам. Мне город,
Где должен был я встретиться с одной
Знакомой женщиной, был тем лишь дорою.

Я переулок скоро отыскал
И, видя подходящего амура,
Который на одной ноге скакал,
Играя в классы,
Бросил я окурок.

Амур был рыж, такому все отдашь,
Он, шоколадку получив, присвистнул
И взвился на какой-то там этаж
На крылышках своих с моей запиской.

Над этим домом плыли облака,
Над этим домом солнце поднималось,
Крошили звезды крышу чердака,
Дожди плясали, радуга сгибалась.

В нем женщина замужняя жила,
Смехалась, пела, плакала, сердилась,
И никого, как птица, не ждала
И, словно птица, все-таки томилась.

*

Я ждал, ходил, шагнул в минуты мимолета,
Как маятник, у дома на углу,

И розы, закрывая от прохожих,
Держал в руке неловко, как метлу.

Девчонки из аптеки выбегали,
Просили по цветочку, вот народ!
Я не давал, я ждал, там тоже ждали
И из окна смеялись: не придет!

Проехала машина поливная,
Шофер кричал: «Давай полью цветки!»
И вдруг из-за угла, почему я знаю,
Как я узнал по стучу каблучки.

Мы не встречались с нею восемь лет,
Лет пять мы не слышали друг о друге.
Из-под ее ресниц прохладных свет
Ко мне метнулся в радостном испуге.

На всех камнях своих земных путей
Не забывал я той далекой, русой,
Весь городок был наш в плену у ней,
Глаз, песенок, проказ ее и вкусов.

Статна, горда, лукава, смущена,
Передо мною вся открыта свету,
Как даль весной, она и не она
Над всем стояла и ждала ответа.

Девчонки за окном притихли стайкой,
Шофер, притормозив, глядел нам вслед,
Гремело море, кувыркались чайки,
И не было ни дум, ни дел, ни лет.

*

А поутру, от солнышка хмельна,
Меся ветрами тающими ситца,
Без стука двери распахнув, она
Ко мне влетела в комнату, как птица.

Недавний сон дрожал еще в глазах
Недрогнувших, доверчивых, бездумных,
И я ее почувствовал в руках
Гораздо раньше, чем о ней подумал.

Ее дыханьем близким я дышал
И слышал: сердце колотилось рядом.
Я все забыл. Но тут же услышал
Испуганное, горькое: «Не надо!..».

Что значить в этот миг слова могли?
Не надо — гнутся с грузом ветви сада,
Не надо — просят все цветы земли,
И рощи на ветру кричат: не надо!

Но, вся полна отчаянья насквозь,
Ударилась она неожиданно в слезы.
Что сделал я?
«Мне не дарили роз,
А я ждала, что все же будут розы.

Жизнь поднесла бумажные цветы,
Ей не было до нас, девчонок, дела.
Так в мире не хватало красоты,
Что истинного я не разглядела».

Мне тоже в жизни не встречалось роз,
Бывало, сказка ими расцветала,

На окнах в детстве рисовал мороз
Ветрами, снегом и зарею алой.

Четыре года посреди земли,
Слепящим громом разрывая воздух,
Передо мной вставали и цвели
Бризантные, клубящиеся розы.

Сквозь роуцы роз меня судьба вела,
Лилейно-белых, розово-багряных,
В шипах колючек ржавых в три кола,
Над зарослями проволоки рваной.

И надо мною мог огня цветок
Встать и закрыться холмиком горбатым,
И я дарил их, отводя замок,
Дыша угарным воздухом отката...

Свидетельствовать могут все ветра,
Мосты, скамейки, памятники, зданья:
Лишь только розы с этого угла
Я ей дарил до самого прощанья.

Я их творил из сумерек и дня,
Асфальта, солища, облаков и парков.
Как будто не бывало до меня
Ни Пушкина, ни Данте, ни Петрарки.

*

Я верю кисти старых мастеров
И рубенсовской щедрости натуры,
Сверкающему грому их пиров
В тиши мансард пустых над небом хмурым.

Всех линий света, схваченных огнем,
Стремительному ритму и движенью,
Всему, что вечно красотой зовем,
И божеством еще и вдохновеньем.

Я говорил ей: «Здравствуй! Добрый день!».
Как это просто, и как это мудро,
Был добрый день, всюду цвела сирень,
Но как сказать хотелось: «С добрым утром!».

А утро будет, утро быть должно,
Я осенью за ним приеду снова.
Так мною было твердо решено,
Хотя в ответ не сказано ни слова.

Ни да, ни нет, лишь «я тебя люблю».
Пароль и пропуск, и в глазах такая
Сквозная даль, и в ней по ковьялу
Ветра́ и свет, ветра́ и свет сверкают.

О чем мы говорили, — никогда
Не рассказать, не вспомнить, — это знаки были
Морей и солнц, летящих сквозь года,
И парусов в сверканье звездной пыли.

И только в день отъезда, лишь за час
До поезда, когда нам грустно было,
«Куда ты едешь спешно так сейчас,
Кто ты теперь?» — она меня спросила.

Я должен ехать был на юг, к горам,
Туда, куда мои отряды выпли.
И я сказал, что я спешу к кострам,
Там ждут меня в горах мои мальчишки.

Мальчишки ждут... Кто женщину поймет!
Когда электровоз вагоны сдвинул
И разомкнулся рук замок навзлет,
Я услышал: «А разве ты мужчина!..».

*

В то лето ты была везде со мной:
В Армении, в долине Арарата,
Где между гор библейских рай земной,
Оранжевый на синем, был когда-то.

Со мной была ты хлебом и вином,
Входила в воду озера, как в небо,
Колбясь зябким розовым огнем,
На белом пляже свой оставив слепок.

Я не писал тебе — зачем писать
Цветам, деревьям, воздуху и свету,
Лозе граната, птичьим голосам,
Всему незатухающему лету.

И в час, когда тяжелые винты
Несли два нимба к морю над горами,
Была ты ощущеньем высоты
Над облачной дорогой и ветрами.

Из лета в осень шел по небу ИЛ,
Земля под ним разворачивалась в плане,
Я землю лишь в подробностях любил,
Пропавших сверху в общих очертаньях.

А с женщиною все наоборот, —
Издалека ее не видишь всю ты,
Лишь волосы, глаза, бровей полет,
Подробности одни лишь почему-то...

*

Две огненные, рыжие стены,
И пламя листьев на стекле машины,
И волосы ее подожжены,
Пальтишко настезь, и платочек скинут.

Рождались наши фразы, как молва,
Обрывочно, тревожно, без вступленья.
Разъединяли смутно нас слова,
Но в близость претворяло их движенье.

Летели крыши загородных дач,
Шлагбаумы, кивающие косо,
Все пролетало, пронеслось вскачь,
Лишь неподвижно полыхала осень

Торжественной последней красотой,
В которой все горит, все льется светом, —
От дюн до паутины золотой,
Как будто здесь себя сжигает лето.

И мы к нему примчались на пожар.
Ушла машина, и в кафе пустынном,
За столиком, забредшим прямо в парк,
Она заговорила вдруг про сына...

И снова чем-то мучась горячо,
Курила неумело папиросы,
Твердя, что надо встретиться еще...
И было страшно задавать вопросы.

Миры менялись на ее лице:
То тень, то свет, то горькое смятенье.

Все впереди, и ничего в конце,
И время шло, кончая день осенний.

Никто из нас не говорил «прощай»,
И, может быть, «прощай» — ветра сказали.
А может, просто вспыхнул неба край,
И двое нестерпимо увидали —

Сентябрь на прибережной полосе
Был из живого выкован металла,
И черное графитное шоссе
Его на два пожара рассекало.

*

Для счастья припасенные слова
Под Мгой и Псковом, на ветру открытом,
Давно в огне сгорели, как трава
Вокруг брони, расколотой термитом.

Но я его берусь нарисовать:
Вот женщина, глаза, улыбка, плечи,
И ей мужчина говорит слова
Обычные — «день добрый» или «вечер».

Над ними солнце в синеву встает,
Вот утро — говорят они друг дружке,
И черный хлеб она на стол кладет
И разливает чай по белым кружкам.

А небо смотрит из окна на них,
Спокойное, огромное, без края,
В нем все, что есть, отныне для двоих
До смерти, и они об этом знают.

И не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы.
Лишь «здравствуй» есть и нет «прощай»
у счастья...

*

Но голос вновь ворвался в телефон
Стремительно, уруго и нежданно.
Как па земле хозяйничает он!
Звонит и тает, словно лед, мембрана.

Вначале было слово. Голос был,
С ним все преобразилось во вселенной,
Мотор такси над городом трубил,
Мосты вставали, расступались стены.

Она прошла спокойно по ковру,
Подтянутая, в тесном платье черном,
И погасила праздника игру
В окне высоком медленной шторой.

Потом с ногами села на диван,
Забилась в угол, маленькою стала,
Взяла с вином недопитый стакан,
Но не пила, а просто так держала.

И все твердила — голова болит,
Как неуютно, зябко здесь и пусто...
Сводила плечи, а они цвели,
На красном белые, над платьем узким,

Над черным, скользким — белые как снег,
Горячие податливые плечи.

И поджимала ноги, как во сне,
Шелк натянув коленями навстречу.

И вдруг с размаху выпила вино
И, руки отводя от рук, сказала:
«Здесь душно...». И в мгновение одно,
Как сталь пружины выпрямившись, встала.

Над белым встала в черном, отдаясь,
И черное сменилось алым цветом,
И голос низкий прошептал смеясь:
«Мой милый, разве ты боишься света?».

Два раза простучали каблучки,
Веснушками летели кнопки с треском,
Над головой поднялись две руки,
И время жаром опалило резким.

И женщина, прекрасна и щедра,
Передо мной костром взлетела алым
Навек, на ночь, до самого утра...
Как это много и как это мало!

Ведь не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы,
Лишь «здравствуй» есть и нет «прощай»
у счастья.

Бывало, я довольствовался малым:
Теплом махорки, пайкою ржаной,
И счастлив был, а тут мне горько стало
За час обоих в тишине почной,

Зачем туманить правду наших лет,
Нам никуда от них вовек не деться!
Своей рукою погасил я свет
И вышел, чтоб она могла одеться.

*

Я все о ней, о пей и о себе,
И, кажется, о времени ни слова,
Но разве не оно в моей судьбе
И горестей и радостей основа!

Оно не только в громком и большом,
В труде и славе, горных пиков выше.
Прислушайтесь, как время бьется в том,
Как люди любят, как грустят, как дышат.

Как меряют сердца любовь и долг!
Я был бы не таким в минувшем веке.
Мой сын возьмет себе иное в толк —
Иное время, в нем иные реки.

Пусть счастье наше личное война
Легко разбила, как стекло, на части,
Но есть любовь — сильнее войны она.
А кто сказал, что нет любви без
счастья?

Чередованьем тени и огня
Оно прошло сейчас в громах вокзала,
Щемящим сквозняком обдав меня,
Под знаками неона и металла.

Что ж, повернемся к станции спиной,
Закурим, у пальто поднимем ворот.
Похолодало, дождь идет стеной,
И в молниях встает за всю город.

* * *

Кто был изобретатель колеса?
Никто не знает. Все о нем забыли.
В каком краю, когда он родился?
Ни имени не помним, ни фамилии.
А был изобретатель колеса.
Оно в природе не существовало,
Пока на белый свет не родился
Великий гений, неизвестный малый.
Крыло в природе человек узрел
И рычагов машинных сочлененье,
А он на мир не так, как все, смотрел,
Без подражанья мыслил, без сравненья.
Он смастерил однажды колесо,
И покатилось колесо по свету,
А он свернул, должно быть, сигарету
И сам себе воскликнул: «Хорошо!».
Ревели первобытные леса,
На четырех ногах зверье бежало,
Крылами птицы мяли небеса,
Пока он щепочку жевал устало...

Какие пылче в мире чудеса!
Открытия! Им счета нет повсюду.
Но все его технические чуда
Ни в чем не зачеркнули колеса.

ВТОРОЙ

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог,
Второй.
Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.
Ему трудней безмерно было —
Он был не гений, не пророк —
Решиться вдруг, собрать все силы,
И встать, и выйти за порог.
Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.
Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он — хаты, села, города!
И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути,
Чтоб только тот поднялся сзади,

Второй, чтобы за ним идти.
Я сам видал, как пад снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал поред полками
И делал шаг тяжелый в почь.
В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: «За мной!».
Второй поднялся.
Значит, рота —
И вся Россия за спиной.
Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый, —
Не бог, не царь и не герой.

* * *

Далекое становится все ближе,
Уже Луна — и та доступна нам.
Наука движется вперед и движет
Весь мир навстречу новым временам,
Когда близки любые станут дали
И суть вещей сокрытая ясна.
Но как измерить радость и печали,
Ее вершины и глубины дна.
Но как приблизить, одержав победу
Над бездной, разделяющей собой
Далекий, как созвездье Андромеды,
Мир человеческой души ипой?
Расчеты — чушь! И формул тоже нету.
Есть лишь Гомер, Толстой, Бетховен, Дант —
Искусства гениальные ракеты
И новые Ромео и Джульетта —
Любви соединяющий талант.
Они одни ничем не заменимы,
Без них на свете через все года
Немыслимы и неосуществимы
Гармония и счастье пикогда.

* * *

И Русь не та, и русские не те..
Не та, конечно,
Ну, а те чем плохи?
Те, что не те и, видно, в простоте
Перевернули ход самой эпохи.
Те, что воткнули в землю враз штыки —
Конец войне!
И в десять дней, не боле,
Земные потрясли материки.
Материки земные,
А не поле.
Дворцы построить можно до небес
И возродить сады Семирамиды, —
Да мало ль натворить каких чудес,
Каких и мир в глаза еще не видел.
Но ими вряд ли увлечешь когда
Пойти вослед так, как идут народы
По всей земле с семнадцатого года,
С тех пор, когда зажглась Руси звезда.
Вот, говорят, была отсталой Русь.

А не она ли родина Свободы.
Я навсегда с той Русью остаюсь,
С вершинами семнадцатого года.
Такого взлета духа, и ума,
И мужества история не знала.
Она взяла за образец сама
Рожденные той Русью идеалы.

КОММУНИСТЫ

О них поэты ищут непременно
Высоким «штилем», как
в трубу трубят,
Что им подвластны даль
и глубь Вселенной
И нет на свете никаких преград.
Сияние на их высоких ликах,
Их каждый шаг — в века,
не просто шаг.
А мы-то знаем запросто великих
И делим с ними дружбу и табак.
Сосед, дружок, товарищ по работе,
Такой, как все, от всех неотделим —
В цеху, в колхозе, в институте,
в роте —
Ни обликом, ни званием своим.
Но на фронтах, под небом
боя мгlistым,
Когда огонь над бруствером внахлест,
«Прошу считать отныне коммунистом», —

Писали люди и вставали в рост.

И ныне про способных

быскорыстно

Идти за дело правое на риск,

Пускай он даже не был коммунистом,

Недаром говорят:

«Он коммунист!».

Мир знает их, веселых

и влюбленных,

Грустящих, пожилых и молодых,

На свете коммунистов миллионы,

И в этом сила и величье их.

Они верны без страха и измены

Той партии, в которой состоят;

А ей подвластны даль и глубь

Вселенной,

И нет на свете никаких преград.

ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА

Места, где Ленин был когда-то,
Не просто памяти места,
И времени былого даты —
Их люди ценят неспроста.

Вот лес. Поляна. Все как всюду.
А вот трибуна или дом.
И все вокруг понятно людям,
Знакомо, как в краю любом.

А он ведь здесь вершил такое,
Что все меняло на земле.
Была трибуна полем боя,
И этот дом, и лес во мгле.

Глядят, молчат, уходят люди,
Как будто что-то унося.
И в час, когда им трудно будет,
Когда уже стоять нельзя,

К ним, старым, молодым и юным,
Придет, как солнце, может быть:
Вот лес, поляна, дом, трибуна —
Стоять, сражаться, победить!

* * *

Я верю в бога, но не с бородой,
Сидящего на облаке высоком.
Бог — он и старый, он и молодой,
Со мной живет он рядом и далёко.
С шести утра он пьет на кухне чай,
Закуривает жадно сигарету.
Его везет грохочущий трамвай
За три копейки через всю планету
На свой завод, на шахту и в гараж, —
Да мало ли, куда там надо богу,
Ведь без него день не начнется наш,
И в самом деле — мир не до порога.
А он себя считает, как всегда,
Бетонщиком, механиком, шахтером.
Какой там бог! Идет наверх руда,
Струится стружка и режут моторы.
Но все на свете создано трудом.
Он сдвинул горы, он попятил реки.
И в переносном смысле и в прямом
Он бог в двадцатом громоносном веке.

КУРГАН-ГЕРОЙ

Я слышал, что курган Мамаев
В бетон и мрамор одевают.
Ревут бульдозеры и скреперы
Над зимней Волгою с утра,
Сшивается стальными скрепами
Сегодня наше и вчера.
Так, значит, верно, в самом деле
Прошло с той битвы двадцать лет,
Когда в солдатские шинели
И в ватники он был одет.
Когда сто дней катились волны
Свинца и пламени над ним,
А он стоял сто дней у Волги,
Прикрытый мужеством одним.
И пусть оно предстанет в мраморе,
Пока еще тревожен век.
Над ним всегда в дыму и пламени
Лететь на землю будет снег.
И из трапшей непреконтинных

Вставать солдаты будут в рост
Над Азией и над Европою,
Ушапками касаясь звезд.

* * *

Новое время — новые песни

Шоговорка

Ах, песни старые, забытые,
Запетые до хрипоты,
В недавнем прошлом знаменитые,
Бы словно в молодость мосты.
Вдохнет ли драная гармоника,
Затянет ли осевший бас,
Встаю, иду в края, где копники
И радуги
Благословляют вас.
Иду туда, где зори дымные,
Где блеск брони и звон костров,
От Одера иду до Зимнего,
К себе и в молодость отцов.
Пусть наотрез права пословица,
Я с ней не спорю, не хочу.
А песня все-таки не клопится,
И ей такое по плечу.
Смотри, взошла она — и дрогнули
Глаза, и губы, и сердца
Перед летящею дорогою,

И снова славе пет конца.
И сторонятся те, которые
Новы́ и модны, может быть,
Но без огня того и пороха,
Чем вас сумели начинить
Святые, юные, безвестные
И бескорыстные творцы —
Признание себе не песнями
Списавшие в огне бойцы.

НОЧЬ

В час, когда приближаются звезды к земле,
Спят полки в гарнизонах, гармошки в селе,
Города миллионные в душном тепле,—
Чувства, мир озаряя, бушуют во мгле.

Рвут шифровки разрядами строчек петит,
Лампы, тускло мерцая, теряют накал,
Тайпо пенависть в волнах эфира летит,
И кодирован злобы короткий сигнал.

Блещет молнии свая
Открыто в ночи,
И радисты, немея,
Сжимают ключи.

И радисты с улыбкой
Сжимают ключи, —
Что-то сердце опять
Над землею стучит.

В холодеющих высях
Журавлиных рокад
Треугольники писем
Солдатских летят.

Будто к северу с юга
(Шире шаг, почтальон!),
Опускаясь по кругу
В руки сельских мадонн.

«Всем и всем» — под звенящими льдинками звезд
Бьется жилка мольбы о холодный зенит.
«Всем и всем» — пробивается жаркое «SOS».
Это чья-то надежда и вера звенит.

Через рев океанов и матерки
Узы дружбы, как меридианы, крепки,
Протянулись, прилив вызывая в крови.
Вся планета окутана дымкой любви.

СОСНА

На белом, розовом, па синем,
На голубеющем снегу
Лежит сосна, роняя иней,
Как бы споткнувшись на бегу.
На сахарном снегу пластаясь,
Вся зелена, вся золотá
И в кроне солнцем обливаясь,
Звенит и рвется высота.
Но от сравнения с солдатом
Я отрешиться не могу,
Вот так споткнувшись когда-то,
Назад лет двадцать, на снегу.
Ну что ж, перед годами теми
Я не стыжусь банальным быть.
Лежит сосна.
Не властно время
Того, что было, изменить.

НЕВСКАЯ ДУБРОВКА

Б. Пидемскому

Мы с товарищем бродим по Невской Дубровке,
Два довольно-таки пожилые хрыча,
Будто мы разломили на круг поллитровку,
Мы с товарищем плачем и солдатские песни

поем...

Вот он, берег Невы сорок первого года.
Двадцать лет поднималась и жухла трава,
Шли дожди и снега, лишь одна оставалась

пехота, —

Та, что в берег вцепилась, от дивизии рота
В сорок первом году, ни жива ни мертва.
Вспоминает полковник лейтенантское звание,
Вспоминает о Женьке, санитарке глазастой, —
Как она полоскала рубашку свою и рвала,
 как ромашку, для раненых, —
И смеется, как будто бы вспомнил о счастье.
А в траве земляника пылает на брустверах,
И солдаты лежат между ржавыми минами,
И, наверное, Женька — красавица русая —
Пулеметом порубана, где-то рядышком, мизая.

Вспоминает полковник, а земля исковеркана,
Двадцать лет ничего на земле не разгладили,
Да и мы — как земля, наша память, наверное,
Будет тоже, как эта земля, вечно в ссадинах.
На шоссе ждет машина нас, зря надрывается.
От воронки к воронке над траншеями медленно
В бой на Невской Дубровке от земли отрываются
Пять солдат с лейтенантом, из роты последние.
Ничего нет вокруг, по велению памяти
Мины рвут тишину, лейтенант чертыхается,
И солдаты встают... Воздвигается памятью

памятник,

Там, где нету его, но стоять ему там

полагается.

А вокруг — мирный луг, а вокруг — жизнь

нормальная.

По Неве к Валааму плывет теплоход, полон песнями.
Но сердца, словно компасов стрелки над аномалией,
Бьют о ребра вовсю, будто тесно им, тесно им.
А водителю Вите лет двадцать, не более,
Столько, сколько нам в армии было когда-то.
Он включил себе радио, не идет с нами в поле,
Наши слезы и песни ему непонятны.

Что ему это поле, — как нам Куликово, не боле!..

Хлещет радио джазами над погостом в костях

и металле.

Мы с товарищем, с нашей славою, с болями,
Эпопеей для Витьки, историей стали.

Только мы не история, мы в нее не годимся, —

В нас ликуют и плачут железные годы,

И живут там солдаты, и хрипят: «Не сдадимся!»,

Делят хлеб и патроны у бездонного брода.

Делят хлеб и патроны, разгружают понтоны.

Нам бы надо обидеться на курносого Витю,

Но у жизни есть горя и счастья законы,
Наше — нам, юность — юным, и мы не в обиде.
И зачем ему, Витьке, за нас нашей памятью
мучиться.

Ах, зачем, все равно у него не получится.
Свищут птицы, горит земляника на брустверах,
Полон Витька к истории благодарности и
уважения.

Он глядит на шоссе и на девочек в брючках,
без устали
Мчащих велосипеды вдоль древнего поля сражения.

* * *

Вчера еще со школьной парты,
В том ничего плохого нет,
Идут в поэзию, как в партию,
Мальчишки в восемнадцать лет.
Они от дела днем не бегают,
Им дела нету до себя.
Они стихи ночами делают,
Отечество свое любя.
В них ложь они клеймят запальчиво
И с косностью вступают в бой,
И в том они отнюдь не мальчишки,
Как именуют их порой.
Им мало на заводах вкалывать,
Науку грызть, пахать поля.
В них силы вложены немалые —
Такая уж у нас земля,
Где с детства воздух революции
Пронизан молниями лет,
Где деды вечно остаются
Мальчишками с клинком в седле,

Где кровь отцов звенит и требует,
Чтобы на свете никогда
Вовек войны проклятой не было
И чтоб не встали те года,
Когда людей хватала вóроны,
Закрыв крылами белый свет...
И пусть на все им хватит пороху,
Мальчишкам в восемнадцать лет!

* * *

Я давно увидел в первый раз,
Как оно меня не ослепило,
Чудо женское веленых глаз,—
Где, когда, не помню, это было...

Два дождя качаются в зрачках,
Две реки, два леса, две дороги.
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

С той поры прошла землей война.
Государства в пепел рассыпались.
Годы отгорели в дым до дна.
Жизнь прошла, а вот они остались...

Я ее забыл. Я постарел.
Женщина моя со мною рядом
Средь своих забот, хлопот и дел
Взглянет вдруг каким-то странным взглядом....

Два дождя стоят в се зрочках.
Две реки, два леса, две дороги,
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

ХЛЕБ

В нем дюжина дождей и солнца суток сорок,
В нем пара сотен зорь и полдесятка гроз,
Сто тысяч в нем токов и шин машинных
шорох,
Комбайнов ровный рев и ливни синих звезд.

Лежит бугор меж гор, в народе говорится,
А выставят на стол, и станет стол — престол.
Хлеб — голова всему. Он с солью не брапится.
Смиряется и пес пред ним, хотя и зол,

КОНЦЕРТ

Начинается, начинается,
Алый бархат уходит вбок.
Выплывают на луг красавицы,
Оживает старый лубок.

Сарафаны цветные тканые,
Из сафьяна всё сапожки,
Как негаданные, нежданые
Гуси-лебеди вдоль реки.

Гуси-лебеди, струи в лепете,
Ивы падают с высоты,
Солнце в небе встает из небыли,
Поднимается из мечты.

А по залу летит дыхания,
Вздоха радостный ветерок,
А на сцене зорь полыхание,
И под сердцем вдруг холодок.

Это так ведь мечтали прадеды,
Предки наши о красоте,
О несбывшейся и ненайденной,
Как о дали и высоте.

Пусть у нас своя, непохожая
И мечта есть и красота.
Непохожая, только что же мы
Восхищеньем томим уста?

Даль иная, высоты повые,
Только замер вдруг, замолчал
И любитесь облюбванной
Красотою сегодня зал.

Видно, есть в ней самое главное,
Без чего не быть красоте,
И выходит она как равная
К нашим помыслам и мечте.

П Р И Г Л А Ш Е Н И Е

Запаситесь картою
Поезжайте в Каргополь
Через реки синие
И леса
Зеленые,
Через птичьи голоса
И ключи студеные.

Каргополь, как Акрополь,
С храмами и высями,
На горе стал во поле
Гордо, независимо.
На Онеге во поле,
Чем не брат Акрополю.

Небо там старинное,
Стиранное ливнями,
С песнями, с былинами,
С елью, как с оливами.

Град стоит, красуется
С простотой естественной,
Возведен не суетно
Топором-кудесником.

А вокруг него холсты
Белые расстелены,
И утрами с высоты
Солнышки рассеяны.

Солнышки рассеяны,
Радуги расставлены
На российском Севере
В стороне прославленной!

* * *

И я ее искал, но свету ездил я
За тридцать земель, морей и рек.
Красоты видел, но самой поэзии
Так и не встретил, глупый человек.

...Дышало лето ливнями и грозами,
Дымились реки, зрела тишина.
На большаке с плакучими березами
Мне повстречалась запросто она.

В своем краю, за речкою, не за морем
Она мелькнула вдруг грузовиком,
Плеснула песней, так что сердце замерло
И опалило душу холодком.

За песней баб над громкими колесами,
Растаявшей стремительно в ныли,
Вечерками, страдою и покосами
Она открылась посреди земли.

Горячим хлебом обмолота первого,
Кувшином потным на краю стола,
Озерами с нетающими вербами,
Луной морозной в зареве стекла.

Девчонкою босой, простоволосою,
Забредшею во ржи, как василек,
Она прошла под солнцем и под звездами
И озарила запад и восток.

А было-то всего лишь — бабы ехали
Да песня, да обычный грузовик, —
Но это оказалось ее вехами,
И мир за ними встал и был велик,
Такой, что мне не рассказать, не высказать,
Какой он есть, и только, может быть,
Чтобы понять далекое и близкое,
Жизнь надо просто заново прожить...

А я ее искал, по свету ездил я
За тридевять земель, морей и рек,
Красоты видел, но самой поэзии
Так и не встретил, глухой человек.

И в землях тех она, видать, прописана.
Но надо с ними жить и бедовать,
Пот проливать под небом киннарисовым,
Чтоб запросто в лицо ее узнать.

ЗЕМЛЯК

С. Викулову

Мы редко с ним теперь встречаемся —
У каждого свои дела.
Но все ж встречаемся, случается,
Вдвоем садимся у стола.
Не по желанью — по традиции,
Как на Руси заведено,
Мы балуемся не водичею
Дистиллированной. Но...
Как только «что» да «как» кончаются,
Отодвигается хрусталь —
И раздвигается, что чается,
Что видится, — и глубь и даль.
Он трет виски, он наклоняется
И курит, курит без конца.
И тень, и свет, летя, сменяются
На резких линиях лица.
И край, в котором уместиться бы
Могло с полдюжины держав
С их европейскими столицами,
Определяется вдруг, став

Тем настоящим, главным, истинным:
И как живешь и как дела, —
С чем исповедуются искренне,
Ни боли не тая, ни зла.
Над чем задумываясь, пробуют
Себя, других и жизнь понять
По счету по большому, строгому,
Где не на кого зря пенять.
А надо встретиться с причинами
Того, что плохо, что не так...
Шумят поля, горит рябинами
И подступает к сердцу тракт.
Раскинулась в дождях и радугах
Провинция лесов и рек,
Печали, сокрушая, радуя,
Как личная судьба — навск.
Ах, эти встречи с другом досветла!
Гора окурков. Поздний час,
Наговоришься вроде досыта,
А ляжешь — не смыкаешь глаз.

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Сложились бабы по рублю,
Простые бабы, деревенские;
И пьют, я их не оскорблю —
Мол, шить занятие не женское.

У баб на то причина есть,
Особая, всемерно веская —
Но радио промчалась весть,
И озарилась доля женская.

Вся вдруг до доньшка видна
С поры далекой, незапамятной.
На целый белый свет одна,
Горя своим горючим пламенем.

Три полбутылки на столе
Плодовой, ягодной и выгодной.
Пьют бабы у себя в селе,
Румяные от водки выпитой.

Их не зовут домой мужья:
«Валюша, Валя, Валентина!»
Судьба — не песня соловья,
Но все вернулись из Берлина.

Пахали бабы, жали хлеб,
Леса рубили, сенокосили,
Век прожили в своем селе,
И слыхом не слыхав о космосе.

А над землей уж третий час,
Выстрой, чем шар земной наш кружится,
Вокруг него в который раз
Летит сестренка, дочь, подруженька!

Над щами, стиркой и страдой,
Над песнями, от слез солеными,
Летит над старыми законами,
Муж по которым — бог земной.

Гремит над всей землей эфир,
И марши, марши в честь них, марши,
В честь них, потрясших целый мир,
Обыкновенных женщин наших.

А здесь, в деревне, стол накрыт,
Пластинка кружится любимая.
И день, как колокол, гудит
Над иридорожными рябинами.

НА ВОЛГО-БАЛТЕ

Моей деревни больше нету.
Она жила без счета лет,
Как луг, как небо, бор и ветер, —
Теперь ее на свете нет.

Она дышала теплым хлебом,
Позванивая погромком.
К ней на рогах коровы небо
Несли неспешно людям в дом.

Плывут над ней, взрывая воды,
Не зная, что она была,
Белы, как солнце, теплоходы,
Планеты стали и стекла.

И дела нет на них, пожалуй,
Уж ни одной душе живой,
Что здесь жила, пахала, жала
Деревня русская век свой.

Детей растила, ликовала,
Плясала, плакала, пила,
С зарей ложилась и вставала,
Гремя в свои колокола

Стогов, домов, хлевов, овин
В богатый год и в недород.
В чем невиновна, в чем повинна,
Теперь никто не разберет.

Я до сих пор твой сын, деревня,
Но есть еще двадцатый век, —
Вывертывает он коренья
И прерывает русла рек.

Что сделал он, то сам я сделал,
Никто другой того не мог, —
И этот лайнер снежно-белый,
И всплывший дедовский пенек.

И я пройду по дну всю пойму,
Как под водой ни тяжело.
Я все потопленное помню.
Я слышу звон колоколов.

А наверху, как плахи, пирсы,
В ладонях шлюзов — солнца ртуть.
Я с тем и этим крепко свыкся,
Одно другим не зачеркнуть.

* * *

А кто такой Бартоломей Диас?
Что слышали вы нынче о Диасе?
И почему Диас дошел до нас,
Чем он прославился — вопрос неясен.
Он Африку когда-то обогнул,
Впервые обогнул ее по морю.
Сто раз тонул, но гнул ее и гнул,
И обогнул, навек войдя в историю.
А кто такой Бартоломей Диас?
Я спрашивал, мне люди не ответили.
Одни сказали — он испанец, раз
Фамилия Диас.
Да, тьма на свете их.
Другие заявили — футболист.
Зачем тебе он? — вопрошали третьи.
Плыл в пене волн и солищ зеленый мыс,
Рвал ветер паруса в пятнадцатом столетии,
Жгла соль огнем бесонные глаза.
Как мир велик! — ни тронов в нем,
ни клира.

Под килем и над мачтами гроза,
И солнце прогибает крышу мира.
А в стольном Лиссабоне день за днем
В порту взлетали флаги на флагштоках,
Гревели сходни, но никто о нем
Не вспоминал, не знал о нем, и только
Шальная девка, все забыв с тоски,
Обласканная как-то ненароком.
Не забывала жарких две руки
И знала, кто такой Диас, до срока.
А он о ней забыл в тот самый час,
Когда вернулся, королем обласкал,
И Лиссабон: «Да здравствует Диас!» —
Гремел, судьбе завидуя прекрасной.

.

Прошли века, сегодня мир гремит.
От маршей тесно рациям в эфире.
Волна восторга в радугах звенит,
Неслыханное совершилось в мире.
Мир шире стал, чем был, для всех для нас.
...А кто такой Бартоломей Диас?

О Д А Д У Р А К У

Я не знаю, почему и как
Снова древним сквозняком подуло:
Эгоист — так, значит, не дурак,
Даже у него губа не дура.
Вновь звучит: «Ищите дураков!».
Только нет на дурака науки
Ныне, присно, испокон веков
И от дедов к сыновьям во внуки.
Дураков не сеют и не жнут,
Сами дураки на свет рождаются
И, как мера древняя и жмудь,
Начинаются и не кончаются.
Не перевелись и на Руси.
Есть. Живут. Она без них немислима
Со своими верстами веси
И заоблачными всеми высями.
Слаблю, прославляю дурака
Так, как сказка славила и присказка.
Без него немислимы века
Давние и будущие близкие.

Он бессмертной думою богат,
От нее до смерти не откажется,
Пусть при этом сам себе не рад
И порою свет с овчинку кажется,
Для него не пишется закон, —
Эту дурь из дурака не вышибешь.
Он — дурак и лезет на рожон,
Если б мог, то лез еще повыше бы.
Я и сам такой — из дураков,
Жизнь меня еще не переделала
И лупила зря со всех боков
Так, что я не видел света белого.
День встает. Дорога далека.
Кто ее без нас на свете высветлит?
Славию, прославляю дурака —
Так, как сказка славила и присказка.

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.
Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.
Жизнь прошла с тех пор,
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,
Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.
Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты

Над железной башней ледяной.
Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.
Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.
Только бы его сейчас пройти.
Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.
Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была,
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.
Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук, в снегу,
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.
А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка среди огня.
Как он там в огне ревушем верит
В мирного, далекого меня!
Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.
Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.

Не простит меня мой лейтенант!
Он не хочет верить в поговорку —
«Жизнь прожить — не поле перейти».
Там друзья, там поровну махорка, —
Я ему завидую почти.
Надо встать, и скинуть полшубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.
Далеко не все добиты доты.
Время хлещет тяжко, люто, зло,
Только бы сейчас пройти болото,
Вот оно лежит, белым бело.
Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?
Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

* * *

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы,
Верил только в загады
И не верил в приметы.

Я пришел в сорок пятом
Опаленный, живой,
Молодой, конопатый,
С золотой головой.

Думал, глянув на лето:
Жизнь еще впереди.
Все, что кончилось, — это
Уходя — уходи...

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы.
Пожилым, бородатым
Вспомнил дальнее лето.

Сосчитал и закаты,
Сосчитал и рассветы —
Позабыл про загады
И поверил в приметы.

Глянул в дальнее лето —
Зацемило в груди...
Все, что кончилось, где ты?
Жизнь, постой, погоди!..

* * *

Начало лета —
Как начало лет,
Где любят женщину
И ценят друга.
Где да — есть да,
Где нет — уж точно нет.
И мир очерчен,
Но не замкнут кругом.
Начало лета...
Зной еще не зной,
Листва упруга, говорливы травы,
Виски не облепило сединой,
И воздух полон ожиданьем славы.
...Как замирают зубчики резной
Ромашки и пугливой маргаритки.
С размаху ливни, вставшие стеной,
Ко мне идут, стремительны и зыбки.
Я верю в парус и люблю весло,
И утром, на окраине рассвета,
Куда меня неожиданно занесло.

Ломаю хлеб, благословляя лето.
Ах, птицы с веток, небеса в дыму,
Сирень на камне, хруст песка у плеса
И занавески белые в дому,
Летающие вослед разноголоса.
Мир полон превращений и чудес,
В нем хмель вина, соль медленных
раздумий,
Пир за полночь, дорог далеких вес,
Оазисы мои и Каракумы.
Моя обетованная земля —
Улыбка женщины, рукопожатье друга,
Моей охоты трудные поля
Лежат за рощей моего досуга.
Успех дешевый я отверг давно,
Смешны мне резвых мальчигов забавы
И с ними беспокойство заодно
Тупых, самодовольных, величавых.
Начало лета,
Крыл невидных свист.
День, словно подвиг, и высок и звонок.
Как тоненько подрагивает лист,
Промытый ливнем, огненного клена.
Наверно, собирается жара:
Край радуги в столбах аквамарина.
Ах, как утешна зайчиков игра —
Всегдашний тьмы и света поединок.

* * *

Дни стали вдруг похожи на пластинки.
А может, на картинки переводные, —
В них много охры, сурика и синьки,
Они тонки, с листом бумаги сходные.

Они слетают красочные, яркие,
Пустынные, земные и небесные,
Увенчанные зорями, как арками,
Пронизанные птицами и песнями.

И я гляжу на них с веселой грустью,
И я гляжу на них, себя жалея,
На тонкие, на легкие, на хрупкие
Дни солнечно летящего апреля.

* * *

Куда уходят годы? Ну куда?
Стекают, как в резервуар вода?
Уходят, как на переплав руда?
Куда уходят годы, ну куда?
Куда ушел вот тот, такой уж год,
Который долго ждали наперед,
С таким терпеньем, как никто не ждет, —
Аж нуи трещал; а где теперь тот год?
Куда девался год — и не найти, —
Который мы смогли перенести —
Едва-едва несли, хрипя, кляня...
Теперь ни камня от него, ни дня.
Наверно, где-то копятея года,
Как под землею копитея руда,
Или как шлак, сгоревший навсегда,
Иль в небеса восходят, как вода, —
Восходят паром, дымом, а потом
Плывут над миром, словно облака
Прекрасные, все в золоте бока,
Воздушные, как музыка райка,
И мир на них глядит с открытым ртом.

* * *

Я стану облаком, зарей,
Щепоткою песка и глины,
Травинкой на ветру игрой,
Сверкающим каскадом льдинок.
Что в мире через тысячу лет
Изменится, вы мне скажите?
Иначе станет литься свет
Небес на крыши новых жилиществ?
Ослабнет соль в морях и синь?
Вино изменится в стакане?
Иною стыль и жар пустынь
Иным и незнакомым станет?
Иль предок мой, кентавр степной,
Не те же звезды видел в реках,
И нимель над ним кружился в зной
Иной, из каменного века?
И женщина иной была?
И женщина иною будет?
Нет! И все той же будет мгла,
В которую уходят люди.

ПЕСНЯ О МАМОНТЕ

Вымирали мамонты на свете,
Рыжие, огромные, в шерсти,
И па всей земле, на всей планете
Было некому по ним грустить.

Их никто не ел, никто не трогал их,
Шерсть не стриг с них — зря она росла.
Бивнями тяжелыми дорога их
Сквозь века проложена была.

Были мамонты венцом творения,
Сущего в то время на земли,
Сильные и добрые, как гении,
Только выжить все же не смогли.

То ли изменились вдруг условия,
То ли жить мешала им среда,
Только стала им земля надгробием:
Горы, доли, небо и вода.

Наступило некое столетие —
Полегла царей природы рать.
Каково ж в нем одному, последнему,
Было жить? Не то что умирать!

Тучи шли косматые над чащами,
И, оставшись на земле один,
Их приняв за братьев уходящих,
Затрубил косматый исполин.

Над лесами древними, дремучими
Рокотала скорбная труба.
Тучам что! Они ведь были тучами,
Их не трогала его судьба.

Только эхо в дальних далях дрогнуло,
Из-под ног рванулся зверь в кусты,
Замерли цветы четверорогие,—
Огляделся мамонт с высоты.

Жизнь вокруг вершилась непопятная:
Волки, лисы, тигры, барсуки
Жаркими в лесах мелькали пятнами
И друг друга рвали на куски.

И тогда за тучами бегучими,
Бросив благодатные края,
Он пошел живой шерстнатой тучею,
Чтоб не видеть сущего зверья.

Он пошел от них в пустыню белую,
Как в изгнанье, за Полярный круг,
Ничего не прыгало, не бегало
И не мельтешило там вокруг,

Шел, питался вереском и ветками
И дошел до тех равнин вдали,
Только силы стали очень ветхими.
В сон клонило. Был здесь край земли.

Океан гремел пустыми волнами,
Солнца шар не мог подняться ввысь,
Падал злег, как белое безмолвие.
Уходила из-под сердца жизнь.

Лег он, к небу выставив точеные
Бивни, не бывавшие в бою...
...Через сто веков его ученые
Так и отыскала в том краю.

Говорят, что, сытые и рослые,
Живы братья мамонтов — слоны.
Только мне бывает жалко дó смерти
Мамонтов
Средь белой тишины...

ПТИЦА СИРИН

На клочке пергаментных забот
Я прочел значки полуустава —
Птица Сири́н в уши там поет...
И тревожно мне донéльзя стало.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Мосреди гиперборейских вод
Скалы, как ножи, встают над ними.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
На пять тысяч верст зеленый лед,
Солица шар над ним в шерсти и дыме.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Красный Марс во весь обзор встает
Со своими лунами пустыми.

Птица Сирии в уши там пост...
Гаснет парус, замерзают ноги.
Дюзы разрывают звездолет —
Птица Сирий встала на дороге.

В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

1

По всем морям, материкам и кручам
Истории грохочет колесо —
С тяжелым хрястом, с яростью могучей —
От прадедов к сынам стезей отцов.

А я брожу по странам, где давно
Все по местам расставлено, по полкам,
Оценено, в реестры внесено,
И новых не предвидится осколков.

Здесь позабыли все про колесо.
Гигантский обод на незримых спицах
Ничто не крутит. Времени лицо
Бесстрашием и скукою томится.

И колесо колышется, скрипя,
Само собой не трогаясь ни с места...
Спят в громе города, музеи спят,
Европа с сигареткой дремлет в креслах.

Что ей еще? Европа кофе пьет,
Все позади — чума и баррикады,
Копцлагери, вожди, война, народ,
Грядущее... Ей ничего не надо.

Немнущийся терленковый пиджак,
Дымок над хрупкой чашечкою гнется,
И в рюмке, как янтарь, дрожит кобельк...
...Что будет, если колесо качнется?!

2

По случаю побед на той войне
Читают лекции пенсионеры.
Воспоминанья, словно символ веры,
Витают и восходят в тишине.

А за углом мальчишки пляшут твист.
Транзисторы на шеях, как планшеты.
Мир ходуном кидает вверх и вниз,
И места в нем для героизма нету.

Кому какое дело до войны,
Которая была до них когда-то.
Ракеты на весь свет наведены,
И вдруг о вечном мире дипломаты.

Мальчишки за углом танцуют твист,
Трассируют на камни сигареты.
Согни колени, вскинься, наклонись —
Качается, как тамбур, вся планета.

А памятники в розовом дыму
Плывут среди каштанов, как виденья, —

Подобных никогда и никому
Не будут ставить в новых поколениях.

Воспоминаний пенсионный свет
Не оживит легенд в забытом храме.
Свистят подошвы узкие штиблет,
И холодно в жару под свитерами.

ДВА МОНОЛОГА

1

Нет расстоянья, нет пространства,
И городов далёких нет.
Нет гор, морей и ветра страпствий,
Есть стюардесса в цвете лет.
Есть аэрон, бетон, динамик,
Орущий джазом в вашу честь,
Трап на пневматике. Громами
Ночь потрясенная окрест.
Век, ты устроился неплохо
И позабыл, что час назад
Была перекладных эпоха,
Карет, фрегатов и баллад.
В цветной бетон и сталь закован,
Неоном ледяным омыт,
Исчислен, взвешен, зашифрован,
И крайне замкнут, и открыт.
Мой брат, мой враг, мой собеседник,
Над пластиковым столом
И чашечкой «эспрессо» бледным,
В часу неведомо каком,

В глуши неведомой вокзальной,
Откуда все рукой подать:
Березы, ледники и пальмы, —
Что хочешь ты еще сказать?
И знаки мудрости газетной
Восходят над твоим лицом
С похожею на сказку сплетней,
Как за щекою с леденцом.
А синие глаза пустынно,
И прядь сиреневых волос,
Как дым весны и Хиросимы,
Ответ рождает и вопрос.
Век, я хочу с тобою спорить
О смысле злобы и добра,
Дышать зеленой солью моря,
Пить спирт из фляги у костра
И быть еще сентиментальным,
Как в дни фрегатов и карет,
Медлительным необычайно
Средь молний, стюардесс, ракет.

2

Чужие старые столицы
В рекламных ливнях слюдяных
Я вспоминаю, словно лица,
Пытаясь разобраться в них.
Стеклом, бетоном, сталью, светом
Разрублен ночи мрак и смят.
Зимой, весной, в разгаре лета
Они сверкают и горят.
Но есть в их праздничности броской
Тревога знобкая и грусть,

Которую понять не просто,
Но есть которая, как груз.
А в чем она — не скажешь сразу:
В девчонках юных на углах
Иль в блеске бешеном показа
В самом уже запрятан страх?
А может быть, все это вкупе
Заключено в том и другом?
Забудут, по наймут, не кусят
Или поверят, но с трудом?
Гремят, ликуют и хохочут,
Надменны, праведны, грешны
И на исходе жаркой ночи
Сосредоточенно грустны
Чужие старые столицы
У синих рек и белых льдин,
Большие памятные лица
Держав, столетий и равнин.

* * *

Ты в жизни жег хоть раз мосты
В своей?
Как жгут мосты саперы,
Настыли руша с высоты
И за рекой оставив город.
Он бел. Над ним плывут сады,
Сверкают шпили колоколен,
Но сожжены к нему мосты,
И надо уходить по полю.
И лучше не глядеть назад.
Там над безгренною рекою
Мосты горят, мосты горят —
Твоею зажжены рукою.
Ты в жизни жег хоть раз мосты?
Вот так, а может быть, иначе,
На пламя глядя с высоты,
Сто раз оборотившись, плача.
Саперам что! Они пройдут
Огонь и дым, но час настанет, —
Мосты саперы возведут

И город вновь в их лица гляпет.
А в жизни жгут мосты навек,
И в прошлое возврата нету,
В тот город за разливом рек,
Где мост горит в разгаре лета.

* * *

Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла,
Как будто тень и свет сменялись,
И людям все казалось мало.

Ей ветер обнажал колени,
Она подол рукою била
И хохотала в упоеньи
Так, как она всегда любила.

И все вокруг переменялось,
Все стало праздничней и ярче,
Все сдвинулось, переместилось
И стало вдруг свежей и жарче.

А было лишь — такая малость:
Катилось, звоном озаряло,
Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла.

* * *

Давно всему известно свету,
И это не его вина, —
Непогрешимых истин нету.
Но, может быть, права одна:

Стирает время в пыль державы,
И гордая стареет повесть,
Бессмертная проходит слава
Легко, как дым.
И лишь любовь

Летит поверх барьеров Рима,
Сквозь все века и времена —
Добра, безжалостна, гонима,
Беспомощна, как смерть сильна.

* * *

У ракетной переправы
На бетонном берегу
Ни налево, ни направо
Оглянуться не могу.

Все смотрю на купол синий
С кромкой леса на краю,
На земле моей России
Заглядевшись в даль свою.

Крыльями зари касаясь,
Серебрится самолет.
Улетаю не прощаясь,
Не отметив стонкой взлет.

Позабыв про телефоны
И про серые глаза,
Не печальный, не влюбленный, --
Сам не знаю, как сказать.

Улетаю, улетаю...
Тает талая заря.
Все, что было, — сам считаю, —
Это было просто зря.

Люк захлопнут, трап откатят,
Щелкнут пряжками ремни,
Гром накатит и подхватит
За стеклом земли огни.

И пройдет на шпильках острых,
Длиннонога, не стуча,
Всем улыбчива по ГОСТу,
Стюардесса у плеча.

* * *

Я слова вспомнил почему-то
Далекий госпиталь в войну,
Где я лежал немало суток,
И санитарку в нем одну.

Тупой бессонницей измаян,
Я морфий у нее просил,
Кричал, что доза небольшая,
Ругался матом и грозил.

Но, зная, меня жалея очень,
Девчонка прикрывала свет
И на мои угрозы ночью
В ответ твердила только — пет.

Я позабыл, какие песни
Она мне пела у виска,
И как мои писала письма —
Не вспомнить мне наверняка.

Но помню, как с неженской силой,
От оскорблений всех бледна,
«Нет, морфия не дам», — твердила.
И помню также, как она

На перевязку вывозила,
Катала бинт, как снежный ком,
И вдруг его срывала с силой,
Безжалостно, одним рывком.

Она жалела, уважала
Меня, солдата, мужика,
И потому бинты срывала
Не дрогнув добрая рука.

А ты все медлишь...

СОЛЫВЕ П Г

Ты по утрам в горах на лыжах бегашь.
Зима в горах — как новая планета.
И горы синие, от солнца нежные,
К тебе сбегались, в белый снег одеты.
Ты бьешь по солнцу прутиком бамбука,
Твои глаза — два радостные неба,
Они смеются в этот час без звука,
И вся ты — солнца, гор и снега слепок.
Деревья смотрят, поднимая кроны, —
Какая длинноногая явилась!
Им, одиноким и вечнозеленым,
Ты так понятна, как в лесу родилась.
А ты сбегала в горы к ним впервые,
Сама того не зная, что отныне
Всю жизнь с тобой вершины снеговые
Всё будут мчаться, белые на снегу.
А наст звенит. По пасту, как по оверу,
Летят удары лыж, колец и ветра.
Сиреневые, алые и розовые,
Промчатся по пасту звуки света.

Все свет: и эти камни в жарком испсе,
И горы, и меж них долины, лежа
Сверкающие, летние и зимние.
Все свет, и ты его явленье тоже,
Глаза твои лучатся, небо пряча,
Ты розовой ладошкой ветер рубишь...
И все на свете ничего не значит
Без них, без этой занебесной глуби.

* * *

Уходит женщина. Уходит,
Как солнце с неба, как река
За горизонт по шатким сходям
Травы, кувшинок, тростника.
Уходит женщина так просто,
Без слов, без слез, без жалоб прочь,
Как в океане синий остров,
Как день уходит и как ночь, —
Естественно, обычно, вечно
Уходит женщина. Не тронь.
Так, уходя, идет навстречу
Кому-то ветер и огонь.
Как ливень с тысячей мелодий
Из поля в новые поля,
Уходит женщина. Уходят
И гаснут следом тополя.
Уходит женщина. Ни злоба,
Ни просьбы непонятны ей,
И задержать ее не пробуй,
Остановить ее не смей.

Молить напрасно, звать напрасно,
Бежать за ней — напрасный труд..
Уходит — и ее, как праздник,
Уже, наверно, где-то ждут.

Г Л А З А

В них не проплывают облака,
Птицы в них не пролетают стаяй,
Не летит дорога далека,
Неизменно в грусть перерастая.
Не смотрю, не думаю, молчу,
Забывать старательно стараюсь
И по ней стремительно лечу,
Все лечу, не достигая края.
А куда несет она, куда?
Что там, в этих всплесках тьмы и света?
Сквозь года, в года, через года
Нету ни ответа, ни привета.
В грохоте ракетных переправ,
В реве далее железобетонных
Тише тихих полуночных трав
Сердце бьется — грозно, озаренно.
Может, шар земной пересеку
Но широтам весь и по долготам,
А дорогу эту не смогу
Ни на шаг пройти, ни на йоту.

Зыблются, синяя, небеса,
Тень ресниц, скользя, идет по склопу,
И глядят, глядят на мир глаза,
Сожалея, грустно, отчужденно.
В них не проплывают облака,
Нет ни птиц, ни парусов,
Сквозная
Вдаль летит дорога далека —
Ни конца, ни края ей не знаю...

В АВТОБУСЕ

Косматый, рыжий, словно солнце, я
Оптимистичен до конца.
Душа моя — огнепоклонница,
Язычица из-под венца.
Чем дело кончилось с татарами?
Как мартом сарафан белен!
Вдрызг реактивными фанфарами
Исполосован небосклон.
Летят дюралевые капли
По небу синему, свистя.
Не так ли хлынет вниз, не так ли
Ливень реактивного дождя?
Но вальсы, вальсы, только вальсы,
Кружа, в динамике дрожат.
Белеют на баранке пальцы,
Темнеет у шофера взгляд.
Весь голубой, как будто глобус,
В никелированной росе
Летит размашистый автобус
По пригородному шоссе.

Он в солнце, в первых лужах, в глине...
Творится на земле весна,
Как при Микуле и Добрыне,
Как при Владимире, красна.
И Лель сидит на косогоре
С кленовой дудочкой в зубах,
И витязи торчат в дозоре,
Щитами заслепясь в лучах.
Мосты над реками толпятся,
В бензинном дыме провода...
И ничего не может стать
С весной и Русью никогда.

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

Юрию Быкову

Республика па страх своим врагам
Воздвигла гильотину, словно вече.
Всем королевским шлюхам и чинам
Рубили с маху голову по плечи —
Тем, кто кричал: «Да здравствует король!»,
Служил иль просто числился по спискам.
Свобода — отзыв, трибунал — пароль.
Всем поровну и хлеб и обелиски.
Ах, Марианна, красен твой колпак,
Нежны п алы губы от рожденья.
Уже па свете ни один дурак
Не завопит о короле на Сене.
Но все-таки придется заплатить
Последний раз за Францию по счету.
Надета треуголка, он в пути,
Ведет поручик-корсиканец роту.
Есть равенство в стальном строю солдат,
А звезды так близки на эполетах,
И пушки высоко заговорят
Последний раз диктаторским фальцетом.

Но никому отныне не взбредет,
Что кто-то может солнцем быть, державой,
Отцом родным. Да здравствует народ!
На площадях, как девка, пляшет слава.

* * *

Весна, а что она такое?
Летят сквозь дали журавли,
Летят сквозь дни деревья стоя,
И травы снова вверх пошли.
Все рушится, что было свято,
Незыблемо в снегах зимы,
В пару и дыме лиловатом,
В лохмотьях обветшалых тьмы.
Вот землю небом раскололи
Ручьи и реки на куски,
В оградах оживают кольца,
И на камнях встают ростки.
Творится новая планета
У всех бесстрашно на глазах
Из глины, воздуха и света,
В навозной жиже и цветах.
Дождей мгновенных колыханье,
Ветров свистящие столбы,
Громов далеких грохотанье
И придыхание трубы.

Из пепла, глины и павоза
Встает, рождается, чиста
Как ландыши и туберозы,
Неслыханная красота.

* * *

Девочки веселые, бедовые,
С поговорочкой: «Хоть час, да мой»,
Мне вас очень жалко, непутевые,
Черт-те что творящие с собой.
Девочки с прическами юсматыми,
В туфельках на острых каблучках,
Бомбой искалеченные атомной, —
Не взорвавшейся, издавека.
Сколько и без взрыва искалечено
В некогда восторженных сердцах,
В пламенных, веселых и доверчивых,
В голубых неоновых ночах!
Даже души сильные и стойкие
Холодом ее знобит сейчас
Свист метели с той шкалы с настройкою,
Где горит, дрожа, зеленый глаз.
Мы иные, мы не слабопервные,
Только как вам, девочки, помочь,
Чтобы вы смогли в себя уверовать,
Слабость и бездумье превозмочь?

Мне не легче, юности не помню я,
Только век за это не корю.
Ласковые и опустошенные,
Мне вас жаль, девчонки, говорю...

РАЗГОВОР С МАДОННОЙ

Мадонна с Петроградской
Сидит передо мной.
Высокий лоб прекрасный
И волосы конной.

Она глядит на вещи
В упор, как па торгу.
Коньяк с боржомом хлещет,
Как моряки в порту.

«...Вы что-то там сказали?» —
Прищурились глаза.
Джаз в ресторанном зале
Грохочет, как гроза.

«...Любви на свете нету,
Есть флирт и просто спорт —
Девчонки до рассвета
Целуются на спор...

Живу со скушным мужем.
Есть сын, его люблю.
А муж — он только нужен,
Он терпит, я терплю...»

А каблучки, как льдинки,
Звенят, звенят, звенят...
А мужики с блондинки
Хмельной не сводят взгляд.

Горят ее коленки,
Бледно ее лицо.
От сигаретки лентой
Дымок кольцо в кольцо.

Плечам покатым жарко,
Они зимы белей...
А мне мадонну жалко,
И я не верю ей.

Не верю, но не спорю,
Поскольку слышу злость,
Слова летят с которой
На все, что в них сошлось.

Лет двадцать пять мадонне,
Она стройна, сильна,
До маленькой ладони
Вся как одна струна.

И ей, мадонне, скушно
От звона баккара.
И ей на службу пужно
Постылую с утра.

Одна отрада — летом
На месяц ледоруб,
И на снегу рассветы,
И ветер лишь у губ.

Где в камень гор, как в стремя,
Становится ногой,
И высь хотя б на время
Она сама собой.

К Л Ю Ч

Все выше дель. Идут на убыль,
Спяня, тепи от межи.
Поют берестяные трубы
Над голубым покоем ржи.
А меж корнями на поляне,
Раздвинув травы и цветы,
Вдруг небо из земли проглянет
Прохладой знобкой высоты.
Над ним раскрыта рамка сруба
Вчера, а может, век назад,
И терпкий свежий запах луба,
И смол янтарных звездопад.
Сквозь сито глины, камня, кварца,
Подрагивая, как кольцо
На счастье или как на царство,
Студеный ключ летит в лицо.
Лови сверкающие кольца
В ладони лунку на лету.
Прислушайся, как колокольцы
Звонят в тиши о пустоту,

Пьют воду, умывая лица,
В ладонях пробуя на вес,
Откусывая, словно птицы,
Студесный краешек небес.
Пьют воду, набирая силы,
И возвращаются к лугам,
К стогам, к светилу, к жару, к пыли,
Как будто в праздник к пирогам.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Вы слышали про белые ночи? Слышали?
Как заря полыхает в гранитном канале,
Как мосты поднимают пролеты, как крылья,
И черемухи цветом, как снегом, обильны.
Разве белые ночи бывают? Бывают.
Город отдан влюбленным, нет в нем
равнодушных.

Что такое? Здесь белую ночь открывают!
Открывают, как бая? Нет, скорее как душу.
Рассказать вам, как это бывает,
Как и что происходит при этом?
Кто-то времени ход обрывает
И сближает закаты с рассветом.
Истончается мгла до предела,
Выявляется сущность пейзажа,
Ночь становится призрачно-белой
И слегка розоватую даже,
В парк уходят трамваи поспешно,
Убирают с проспектов машины
И приветствуют юность и свежесть

У дворцов над Невою старинных.
Факела зажигают на рострах,
Гасят все фонари, и, как в храме,
Все возвышенно, чисто и просто
Говорить начинают стихами.
Вы не верите мне? Вы забыли
То, что некогда вас окрыляло,
Что когда-то влюбленными были,
Что поэзия вас озаряла.
Любям нравятся белые ночи.
Люди не перестали влюбляться,
И ночей этих праздничный почерк
Им в сердца продолжает стучаться.
Светом хлещет он в девичьи очи,
И героев в мальчишках он будит.
Любям нравятся белые ночи,
Люди черные ночи не любят!

* * *

Это было все-таки со мной
В день девятый мая, в сорок пятом:
Мир желанный на оси земной
Утвердил я, будучи солдатом.

Пели птицы, радуга цвела,
Мокрой солью заливало щеки...
А земля сожженная ждала,
И с нее я начал, как с опоки.

Начал вновь мечты и все дела,
Села, пашни, города, плотины,
Выбелив на солнце добела
Гимнастерки жесткую холстину.

Это было все-таки со мной.
Для труда, прогулки и парада
Не имел я лучшего наряда
И в рабочий день и в выходной.

Кто-то за железною стеной
Рабским посчитал мое терпенье.
Что ему сказать? Его с коленей
В сорок пятом поднял я весной,
Начиная мира сотворенье.

Шел бетон, вставляли корпуса,
Реки переламывали спины,
Домны озаряли небеса,
Плуг переворачивал равнины.

Это было все-таки со мной.
С неба на земные континенты
Я ступил, затмив собой легенды,
В форме космонавта голубой.

Я иду дорогою земной,
Перед солнцем не смежая веки...
Все, что в мире делается мной,
Остается на земле навеки.

В БРЕСТЕ

Здесь первый шаг свой сделала война
В июне, в сорок первом, на рассвете.
Здесь нынче соловьи, и тишина
Струится в заводи с зеленых ветел.
Бетона глыбы разметал тротил,
Черпы провалы старых казематов,
И прячутся ромашки меж могил
На кладбище, где спят одни солдаты.
Не все еще известны имена
Тех, кто стоял здесь насмерть в сорок
первом,
Тех, кто отдал ей честь свою и верность,
Когда еще спала вдали страна.
Но в небесах тиспелют здесь глаза
Солдат, взглянувших первыми на пламя.
Стирается во времени гроза
Квадратных крыльев с черными крестами,
Уходит взрывов дальняя волна
В историю на тихие страницы...
И над землей встают их имена —

Русоволосых, юных, круглолицых.
Не бронзою звенящею строкой
Встают они над крепостью старинной —
Раскатом соловьиным над рекой
И поездом, идущим до Берлина.
Не требуя ни славы, ни наград,
Все, что могли, свершили здесь солдаты.
Год сорок первый только ими свят,
Без них бы не настал и сорок пятый.
Я в Брест вхожу, как в сорок первый год.
Гремят о землю тяжкие удары,
И принимает комендантский взвод
На грудь свою железный натиск армий.
Он не был вероломством потрясен
И паникой внезапности охвачен,
Бесстрашно ждал минуты этой он, —
Как мог бы здесь он устоять иначе?
Без гимнастеров, с косяк на траву,
Расставив прочно сошки пулеметов,
Залег он здесь, у крепости во рву.
Как на Берлин идущая пехота.
Год сорок первый, сорок смертный год,
Но в нем встает, здесь присягнув державе,
Не отступавший комендантский взвод
В крови, железе и бессмертной славе.
Встает он в соловьиной стороне,
В росе и травах молодых по пояс,
И слушает, как мчится в тишине
«Москва — Берлин», зеленый скорый поезд.

* * *

Я на войне писал стихи украдкой,
Скрывал стихи от посторонних глаз,
Под картой в сумке прятал я тетрадку.
Друзья просили: напиши про нас!
Про то, как писем ждем,
Про то, как у сержанта
Жена в тылу с другим, не прячась,
не таясь...
Про то, как мы тоскуем.
Ты таланта
Не пожалей
И напиши про нас.
А я стихи писал, когда все спали.
Все про себя писал. Как тосковал я сам,
Как писем ждал,
Хотел, чтоб вспоминали,
Не забывали... Я отказывал друзьям.
Я говорил им, сонным и усталым:
Отстаньте, я пишу письмо домой...
Домой! И лица им улыбка озаряла —

Прости, пожалуйста, само собой...
Они валялись в сны свои на нары,
Копилка замирала в тишине.
И я писал, за то им благодарный,
Что не мешали мне.
А ночь в громах ворочалась снаружи,
Стучала пулеметною строкой.
Я юным был, и было мне не нужно
Засменных чувств, чтоб быть самим собой.

* * *

Через двадцать лет по всей державе
Снова песни старые поют,
В маршах, в залпах, в музыке и славе
К нам воспоминания идут.
...Не было ни маршей, ни речей,
Ни знамен, ни воинских парадов.
Был он — ослепивший свет очей —
День, в который ничего не надо.
Солнце было, были небеса,
Каторжная кончилась работа,
Та, что длилась будто без конца
И без роздыха четыре года.
И никто не вспоминал о ней,
Все мечтали только о грядущем —
В солнце ясном, в дождике идущем,
В рощах, в тишине, в игре теней.
Били в небо, гнали лошадей,
Плакали, на месте застывая...
Кончилась вторая мировая,
И никто не вспоминал о ней.

* * *

Мы для костров рубили топором
В землянках все, что было нашим бытом.
Разогревали масло над костром,
Настраивали рации открыто.
Чехлы срывали с пушечных стволов,
Делили водку, заводили танки,
А над землей в ту ночь огнем мело,
Ревело небо перед днем атаки.
И кто из нас тогда подумать мог,
Что вспомнят через два десятилетия
И эту ночь, и день, пришедший в срок,
И праздником страна его отметит.
Кто мог подумать и вообразить,
Что будут оды и статьи в газетах.
Минуты не было, чтоб покурить,
Не то чтобы еще мечтать при этом.
Дрожала из конца в конец земля,
День занимался над равниной белой,
Как трубы, грохотали дизеля,
Сталь на морозе колоколом пела.

* * *

Не на западе — на востоке
(Запад стар и все знает сам)
Вновь по свету ходят пророки,
Свет внимает их голосам.
Ах, пророки годов высоких!
От костров гражданской войны
Ваших гневных воззваний строки
Алой кровью обагрены.
Убивали вас ночью белой
В темноте кулацкой рукой,
А гармоника где-то пела
Ваши песенки за рекой.
Поднимались вы из окопов,
Чтоб под пулей немецкой лечь,
Но не может забыть Европа
Ваших гимнов походных речь.
Вновь выстраиваются в строки
Вера, Правда, Верность, Любовь, —
Поднимают слова пророки
И несут их на люди вновь

Не в библейских белых хитонах —
В гимнастерках и в пиджаках,
Непременные микрофоны,
Словно посохи, в кулаках.
И совсем как во время оно,
Как две тысячи лет назад,
Словно трубы Иерихона
Репродукторы их гремят.

СОЛДАТСКИЙ МАРШ

В этот день гремели марши, марши —
Громогласны, бра́вурны, легки.
Из Берлина воротились наши
Славой осененные полки.
Но не вспомнить всех гремевших песен,
Маршей всех в тот день победный наш.
В этом дне один далекий есть он —
Навсегда запавший в душу марш.
Смолкли трубы сводного оркестра
Гролом перекатным по стране,
И возник не медный, не железный
Стук сапог солдатских в тишине.
Он катился по земному шару —
По лесам, по пашням, по траве...
Шли солдаты шагом, шагом, шагом,
Шли по Красной площади в Москве.
Шли без труб, без музыки, без грома,
Словно в чужедальной стороне.
Шли привычно, тяжело, знакомо,
Как четыре года по войне.

Как в походе, как это бывает.
Лишь врывался в шаг неожиданно вдруг,
На мгновение ритм перебивая,
Дерева сухой, трескучий стук.
Словно кто-то сваливая поленья
В кучу с ходу, прямо через борт.
Это к мавзолею на ступени
Падали штандарты вражьих орд.
Это шли солдаты шагом, шагом, —
Ряд за рядом, тысяча рядов.
И бросали стяги, стяги, стяги
Армий, эскадрилий и флотов.
С той минуты по земному шару
Не стихает, помнится, гремит,
Как идут солдаты шагом, шагом,
Как летят штандарты на гранит.

НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

На сцене в пионерском хоре
Поют бесстрашно пацаны
Стальные песни из истории
Отечественной войны.
На сцене, голосами ломаными,
Под медь трубы и барабан,
Поют «Вставай, страна огромная» —
Гимн всех солдат и партизан.
А в зале словно бы в печали —
И седина и ордена -
Сидят родители в молчаньи,
Как вставшая на бой страна.
На этом пионерском сборе
Они почувствовали вдруг,
Что стали эпосом, историей,
Что времени замкнулся круг.
Что где-то снова рядом с ними
Дружки, погибшие в бою,
А барабан гремит во имя,
А голоса зовут, поют.

Как будто не мальчишки юные
Под красным знаменем, а полк,
И поступь у него чугунная —
Здесь, в школе, встал и вдаль пошел.
Застыли в тихом зале матери,
У глаз расширенных платки:
На бой смертельный с неприятелем
Уходят милые сынки.
Уходят вдаль и не вернуться,
Уходят в пламя, дождь и снег,
А матери всё остаются
Из года в год, из века в век.
Смешались времена и даты,
Глядит в глаза отцов война.
Из века в век идут солдаты,
А родина на всех одна.
На всех — на тех седых в молчанье,
На всех — на тоненьких юнцов,
Что, словно бы однополчане,
Поют на сцене песнь отцов.

* * *

Меня страшат аэродромы,
Когда в ненастные часы
Вдруг станет шар земной огромным
За краем взлетной полосы.
Дюраля мир и плексигласа,
Мир современных скоростей
Дряхлеет вдруг мгновенно, разом
И слухов ждет, как ждут вестей.
Становятся горами горы,
Моря — морями, лесом — лес
Под грозным заревом просторов
Пустых эпических небес.
Ангары, бапни и экраны,
И фюзеляжи в серебре,
Как свалка крашеных жестянок
За городом на пустыре.
И у буфетной стойки длинной
Под скучный музыкальный гром
Сжимают в кулаках мужчипы
Безмолвно стопки с коньяком.

Как хрупок все еще бетонный,
Стальной и электронный свет
Пред тем, живым, одушевленным,
Бушующим миллионы лет.
Одно неверное движение —
И брызнет тонкое стекло,
И вот уж снегом с тихой ленью
Его случайно замело...

* * *

Ракетами, как луг ракетами,
Стал ныне шар земной богат.
На всех материках раскиданы,
Ракеты пьют и хлеб едят.

Живется им неплохо. В наледи
Свои вздымают острия —
Континентальные, глобальные,
«Земля — зенит», «земля — земля».

На них работают, не ленятся
Три миллиарда на земле,
И засекреченные гении
Ракетам служат в их числе.

Ракетам всё — шоссе бетонные,
Дворцы в глубинах недр земли,
Луга, леса, поля зеленые,
И глубь вод, и корабли.

Их фотографии красуются
На первых полосах газет,
И дипломатами трактуется
С трибун земли язык ракет.

Тяжел от стронция и радия,
Летит на землю дождь и снег...
Так непонятно в веке ядерном
Выходит к звездам человек.

СЛОВО СОЛДАТА

Белый аист на рисовом поле зелепом,
Ветка пальмы у синего моря — Вьетнам.
Он стремится паруса разноцветные джонок
И бабьяны песет к золотым небесам.

На плече с коромыслом по красным дорогам
Он спешит, от зари до зари хлопоча,
Маячки зажигает у тихих порогов
Под бамбуковой кровлей, как порт по ночам.

Я таким его помню до пляжей Халонга.
Я таким его видел, приехав к друзьям.
Но грохочет над миром ударами гоига
И разпосится в мире тревогой Вьетнам.

Он как фронт, на котором меня еще нету,
Обливается кровью, но знает и ждет:
Через всю оваренную гневом плапелу
Издадека бессмертная помощь идет.

С той войны, с тех фронтов, на которых под
Гжатском
В сорок первом мои умирают войска,
Там солдатам приказано встать и собраться
В пять минут. И дорога опять далека.

С тех фронтов в сорок пятом
В предполье Берлина
С марша
Танкам скомандован там поворот.
Там, над картой склоняясь, молодецкий
маршал,
Не убитый, забытую песню поет.

Ту, что пели еще на испанской солдаты
В первой интербригаде сквозь пламя
и дым.

Во Вьетнаме, в Ханое, как было когда-то,
Небо Гвадалахары грохочет над ним.

Снова в небе чужие железные крылья,
Но под небом Ханоя навстречу чужим
Он поднимет сегодня свои эскадрильи
И расчистит дорогу ракетам своим.

Повторяется. Но не должно повториться.
Не падет, как Мадрид, ни Ханой,
ни Вьетнам.

...Обрывает он песню, к штурвалу
садится

И спешит через годы на помощь
к друзьям.

Не убиты упавшие в битвах с врагами,
И сгоревшие в танках навечно в строю

Все танкисты мои. Они там, во Вьетнаме,
и мои полководцы. Я с ними встаю.

За спиной у меня,
Словно горы, плотины,
Космодромы в лесах и в огнях города.
Я, желающий мира и счастья для сына,
Не привыкший друзей предавать никогда.

Это все еще та мировая вторая,
С той колючкой, знакомой земле, в три
кола,
На гармониках песни в Дананге играет
И стаканами с пивом стучит у стола.

Узнаю ее. Помню. Не дам ей
воскреснуть.
Мир прикрыв плащ-палаткой своей
у плеча,
Он стоит в Трептов-парке, Победы
ровесник,
Не снимая ладонь с рукоятки меча.

Вновь завихрились сполохи крови и дыма.
Видно, надобно вспомнить про ту
рукоять,
Чтоб не стала планета моя Хиросимой,
Чтобы третьей войне никогда не бывать.

* * *

Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юные,
Завидую впервые я сейчас.
Вам предстоит увидеть горы лунные,
Открыть Венеру и ступить на Марс.
К чему скрывать, на ваше поколение
Смотрели мы порою свысока.
Но вышло — во вселенную вселение
Вам начинать от мира сотворения
Впервые предстоит, и на века.
Дорога, на которую вы ступите,
Сама есть цель — нет у нее конца.
На ней вы возмужаете, полюбите
И вечностью проверите сердца.
Никто не может вам сказать заранее,
Как нам никто не смог сказать с вершин,
Какие предстоят вам испытания
На ней, какой свой Зимний, свой Берлип.
С нее вы не сойдете, как в истории
И не сходил доныне человек
С дорог земли тяжелых, им проторенных.

А звезды дарит вам двадцатый век.
И, может быть, с небес, как небожители,
Святые и земные до конца,
Вы спуститесь к иным планетным жителям
И им свои раскроете сердца,
В которых пламя крови штурма Зимнего
И нежность всех садов, что вам цвели.
Вы юные, вы добрые, вы сильные
Сыны Земли и дочери Земли.

* * *

Хотел бы я волшебным даром
Пройти через заставы лет,
В Совет Народных Комиссаров —
Державы первый кабинет.

Не как любитель заседаний,
С особым чувством чтущий власть,
А как на первое свиданье
Хотел бы я туда попасть.

В Москву пылающего года,
В одну из тех Кремля палат,
Где часовыми возле входа
Ее рабочие стоят.

Из исторических просторов
Вошел бы я, незрим для глаз,
Как та уверенность, с которой
Там думают они о нас.

Там обжигающих декретов
Слова бессмертные слышны,
Как будто ищут гимн поэты,
Походный гимн для всей страны.

Ее железные паркомы —
Сыны завода и села —
В лицо потомкам лишь знакомы,
Вершат державные дела.

Распределяют соль и воблу
И, не желая времени,
Планируют, как Дон и Волгу
Каналами соединить.

Страна в разрухе и блокаде,
Четырнадцать держав кругом,
В Москве осталось хлеба на день,
И молод первый Совнарком.

Я старше сам из них любого,
Я знаю, как пойдет их жизнь...
Но я хотел бы там любовью,
Теплом и верой запастись.

* * *

Я вижу Ленина портреты:
Вот говорит с трибуны он,
А вот над полосой газеты
Один в раздумье погружен.

Но чем все дальше время мчится,
С собою унося года,
Все чаще вглядываюсь в лица
Тех, кто с ним рядом был тогда.

На площади в толпе бурливой
Рукою машет он кому
И улыбается, счастливый, —
Наверно, другу своему.

Во всех решительных сраженьях,
В года свершений и тревог
Был не один товарищ Ленин.
Что он один бы сделать мог?

Еще в сибирской снежной дали,
Считая долгой ссылки дни,
Своим товарищем назвали
Впервые Ленина они.

На них рассчитывая твердо,
Он начинал за правду бой.
Была у Ленина когорта
Сынов России огневой.

Наркомы — им едва за тридцать,
Без орденов и седины —
Ушли.
Но ими те страницы
Истории освещены.

На времени святом и грозном
Не лампионов и ракет —
Буденовок их краснозвездных
И душ бессмертных плещет свет.

Недаром до сих пор, недаром
В движенье армии труда
На всех материках пожаром
Вдруг вспыхивают их года.

А Ленин знал их поименно
И счастлив был среди тревог,
В своих товарищях влюбленный,
Тем, что он не был одинок.

ПАМЯТИ
ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРЫ

Че Гевара уходит в горы,
Возвращается в мир Гевара.
Так крестьянин бросает город —
Потянуло к пенатам старым.

Ничего не надо Геваре —
Ни портретов, ни кадилака.
Он Гаване улыбку дарит
И уходит в свою атаку.

Десять раз его похоронят.
Десять раз его позабудут.
Будет взрывом он и погоней,
Только смерти его не будет.

Он ушел к рыбакам соленым
И к видавшим виды солдатам,
И сегодня среди девчонок
Он пирует запанибрата.

Во главе миллионных армий
Он поднимется только завтра.
Че Гевара ушел не даром
К тем, кто рубит тростник на сафре

К тем, кто водит машины с ветром,
К острословам — лихим шоферам.
Где-то есть на земле бессмертье —
Че Гевара уходит в горы..

* * *

Красный бархат и алый шелк,
На траве преклонил колени
Тридцать третий гвардейский полк,
А на знамени в небе — Ленин.
Где-то там, в полковом строю,
Лейтенант в свои девятнадцать,
На одном колене стою
Со словами клятвы солдатской.
Шлем кирзовый в руке зажат,
Говорю слова беззаветно
Четверть века тому назад,
А как будто вчера все это.
Небо рвется над головой
В черных всплесках осенней сини.
А назавтра уходим в бой,
В бой за Ленина и Россию.
Горьким дымом плещут ветра,
Пахнут кровью, газойлем, толом.
Все как будто было вчера.
Только я уж давно не молод.

Почему же не раз, не два
Вспоминаются неизменно
Небо грозное и трава
Та, железная, под коленом?
Вспоминаются не в бою —
Где-то в залах и кабинетах,
И в далеком чужом краю,
На краю почти бела света.
Видно, память крепка у нас
Или просто дело не в датах, —
Присягают солдаты раз,
Только раз присягают солдаты.

* * *

Меня раздумья одолели,
Как будто старость старика:
Одни, одетые в шинели,
Идут ко мне издалека,
Другие, близкие, как тучи,
Как облака, ползут на лоб,
Темны, светлы, тяжки, летучи,
Неся прохладу и потоп.
Хлебаю щи — они клубятся
Над мискою, как синий пар
И, с ложки капая, дробятся,
Как звезды медные, в павар.
Хожу в раздумьях, как в одеждах,
Мне трудно в них, без них нельзя.
Я с нимп злой, угрюмый, нежный
Стал
И придирчивый к друзьям.
Я не могу без них и с ними...
Вот день ступает за межу.
Встаю с раздумьями своими
И на дорогу выхожу...

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

А наши песни остаются,
И в пригородных посздах
Они опять всю поются,
Как мы их пели на фронтах.
Есть на веревочке гитара,
Своя компания вокруг,
И нет на свете песни старой,
И времени замкнулся круг.
Поют ее, как мы певали,
Вдруг повзрослевшие юнцы.
Поют опять не трали-вали,
А то, что деды и отцы,
Когда им было лет по двадцать,
Когда, казалось, тишь и гладь,
А завтра надо призываться,
А послезавтра умирать.
Летит вагон заре вдогонку,
Ах, как натянута струна!
И мы стоим, грустя, в сторонке,
И родина на всех одна,

* * *

Опять на старую гляжу
На фотокарточку оттуда,
Где жизнь моя в огне, как чудо,
Шла по стальному рубежу.
Чему он радуется там,
Юнец, мальчишка в гимнастерке,—
Бомбежке, на снегу кострам,
Щепотке рубленой махорки?
Он, улыбаясь, на меня
Глядит из взорванного мира,
В планшете кирзовом храпя
Настроенную музой лиру.
Чему он радуется там?
Снаряд шальной, завыв, ударит,
И он не пискнет, как комарик.
А полк уйдет к иным огням.
Гомер гвардейского полка,
Ни жизни, ни любви не зная,
Он может все наверняка,
О чем я не предполагаю.

Возьмет пемытой пятерней
В горсть переливчатые струны —
И я пред ним замру немой,
Завистливо, как мальчик юный.
Ракета над полком взойдет.
Он эту лиру к черту кинет,
И рейх к его ногам падет
В дыму в повержепном Берлине.
Танкист гвардейского полка,
Мальчишка, искра грозной бури,
На что он там издалека
Глаза улыбчивые щурит?..

* * *

Что знаю я о мире и войне?
Да ничего.
Как в травах льются росы,
Как бьет свинец по танковой броне...
А что еще?
Ты задавай вопросы.

Философ нос наморщит, как Сократ.
Политик соловьем залетя в пенье.
Ты уши раскрывай, он только рад.
Он полон весь глобальных обобщений.

Я знаю лишь подробности одни.
Я ими обожжен и затарован.
Ты их забудь. Но все же сохрани,
Как найденную некогда подкову.

Когда-нибудь и зазвенит она.
И ты рукой коснешься строчки ржавой.

Есть мир на свете.

Но была война.

И кровью и железом пахнут травы...

ВАЛЛАДА О ПАРЛАМЕНТЕРЕ

Армиями оставленный,
Веря в добро и чудо,
Стоит капитан Остапенко —
Один на дороге в Буду.
Друзья его позабыли,
Жизнь его стала былью.
Белой походной пылью
Годы его покрыли.

А за Дунаем синим
С почтою голубиной,
С молниями соборов —
Сахарно-белый город.
Красные трубы Пешта,
Арки мостов чугуновых.
Стоит капитан безгрешный —
Русоволосый, юный.

Ревут в сорок пятом тапки,
Пламя пад всем Дунаем,

А капитан, как ангел,
Городу мир предлагает —
В стиральной гимнастерке,
Один, даже без пагана.
Восемь дивизий Хорти
Целятся в грудь капитана.

Годы, праздники, будни
Плывут себе по Дунаю.
Пляшут мальчишки в Вуде,
И он им мир предлагает.
Мир секретарше мэра
В руке с угольком помады,
Пенсионерам в скверах,
Памятникам и оградкам.

Где-то на дальних реках
Снова бушует пламя...
Мир предлагая веку,
В камень врос сапогами —
Армиями оставленный,
С верой в добро и чудо
Стоит капитан Остапенко
Один на дороге в Буду.

* * *

В задравной дате государства,
Отмеченной календарем,
Еще дымится снег январский,
Кинжальным вспоротый огнем.
Еще цветет над Ленинградом
Салют, качается в глазах,
Во имя снятия блокады,
На улицах и площадях.
Не все, что было, бронзой стало
И медью литер прописных,
Хотя уже, как зубров, мало
Участников боев живых
И тех блокадников, которым
За девятьсот ночей и дней
С тех пор обязан жизнью город
И ратной славою своей.
Все то, что было, — с ними рядом:
Им кажется, еще вчера
На Невском падали снаряды,
Звенели в небе «мессера»,

В снегу по пояс шла пехота,
Жизнь хлебным мерилась пайком, —
Но им не то что нет охоты
Сегодня вспоминать о том,
А нечего добавить словом
К молчанью павших дорогих,
Где снег, не ведая о славе,
Летит из года в год на них.
В соседях ближних, в землях дальних
Сильнее слов любых гремит
Молчание мемориальных
Гранитных пискаревских плит...

* * *

Костры горели на снегу,
Мы их сооружали быстро —
Ведро газойля из кашистры,
И, как деревья, шли танкисты
Погреться, покурить в кругу.
Друг друга подперев плечами,
Никто не заводил бесед, —
У каждого свое молчанье,
Свои слова, свой в лицах свет.

Костры горели на снегу...
Настало время мне признаться:
Не мужество, не долг солдатский,
С тех пор забыть я не могу —
На черном фронтовом снегу
Круг человеческого братства.

* * *

Самые отважные солдаты
Были те, что не пришли дэмой,
В День Победы, в мае, в сорок пятом,
Став навеки родиной самой.
Как редело наше поколение —
Звездам в небе гаснувшим сродни —
Знают только русские селенья,
Города да матери одни.
Как в жару в степи мелеют реки
И сады сгорают в тишине,
Лучшие друзья у нас навеки
В юности остались, на войне.
Не хотим мы выйти в генералы,
Меньше нас на этом, чем на том.
Время что-то с нами потеряло,
Что не смог бы кроме нас никто.
Тысячи певспыхнувших рассветов
Осветить могли бы ярче путь.
Но зачем теперь грустить об этом —
Разве можно что-нибудь вернуть?

Молча спят под бронзовую сенью
Памятников в скверах городских
Циолковский наш и наш Есенин,
Не раскрывши замыслов своих.
А года без них всё длятся, длятся...
Ах, как в мире холодно без них!
Цепь порвалась. Павшим не подняться,
Чтобы на земле согреть живых.
Только плещет пламя над гранитом.
Нерушима кладбищ тишина.
Кто забыт — не знаем. Что забыто?
Ничего не скажут имена...

* * *

Какое лето шло по всей стране,
Все в ливнях зноя, тишины и света.
Когда война, готовая к войне,
Ждала сигнала.

Ах, какое лето!

Хлеба стояли на полях стеной,
Шлп к морю поезда с отпускниками.
За город собиравсь в выходной
Компаниями, школами, цехами.

А в Греции и в Африке бой,

А в Бресте у старинных казематов

Грохочут на закате соловьи

И спать ложатся с песнями солдаты.

Нам с той поры не позабыть вовек

Той тишины, спустившейся на травы,

На рощи и на русла синих рек,

На города и веси всей державы.

.

Не шутки шутим, на земле живем,

Ее железом били, кровью мыли.

И даже в день, когда замолкнул гром,
Мы этой тишины не позабыли.
Мы не забыли сорок первый год.
Да, мы солдаты, с той поры солдаты.
...Какое лето по земле идет,
В хлебах и травах, пахнущее мятой...

* * *

Когда над землею раскаты
Салюта на праздник гремят,
О чем вспоминают солдаты,
Которым сейчас пятьдесят?

Они вспоминают Россию
От моря до моря в огне,
Друзей молодых и красивых,
Оставшихся там, на войне.

Одна за плечами держава,
Которой присяга дана,
Одна, словно вечная слава, —
И молодость тоже одна.

В каких бы невзгодах и бедах
Она по земле ни прошла,
Но молодость эта победной
И самой прекрасной была.

Недаром о ней под гитару
Мальчишки сегодня поют.
Недаром, недаром, недаром
Гремит над странною салют.

Давно отылали походы,
Шинельное стерлось сукно,
Но с неба ракеты, как годы,
Летят, полыхая в окно...

* * *

Были годы юны, были рыжи,
Бегали по лужам босиком.
Я из них, как из пеленок, вышел,
Вырос бородатым мужиком.
Ликовал над горсткою махорки,
Над краюшкой хлеба и костром.
Были годы трудны, люты, горьки,
Порохом продуты и огнем.
Стал я стар и, как мальчишка, лсен
И доверчив. Видно, те года
Одарили верой, и не к счастью,
И уже, как видно, навсегда.

ИСТОРИЯ

История. Скривя пером гусиным,
Не небеса, так тишь благодаря,
Как лунь, пад ней склонялся некий инок,
Ее в тиши кириллицей творя.
Все будет так, как он ее напишет,
Деяния царя Руси всея,
А под полом скребутся где-то мыши,
Скорбит душа, хоть в пятках, да своя.
И может, только в строчке или в слове,
Средь подвигов, свершений и щедрот,
Она нальется в черных буквах кровью
И солью пота издала блеснет.
История. О давнем, незабвенном,
Трещит от споров некий храм наук.
Но вот она, как молния, мгновенно
Сверкнет, идуций день осветит вдруг.
И ход времен движенье обретает,
Как бы непостижимо для ума,
И истина горит, и воск не тает,
И говорит история сама.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Что происходит в этом мире?
Гремит, скрежещет и трещит
Мир, пойманный в ночном эфире
И нами поднятый на щит.
Спибаются походных раций
И мощных станций голоса.
Поди попробуй разобраться
Во всем как есть за полчаса,
Что в этом мире! Ты им пойман,
Прикован к грохоту земли.
А на реке в туманной пойме
Трубят негромко журавли.
Неслышно рыбы бьют хвостами
Луну на глади сонных вод.
А на бугре, за тополями,
Беззвучно в трубку рожь идет.
Кузнечики чеканят росы,
Петух пропел и смолк в селе...
Ответь попробуй на вопросы,
Что происходит на земле.

* * *

Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близкого чего-то стал бояться.
Вдруг оказалось — у меня душа,
И с нею надо, видимо, считаться.
Она не то что вымысел какой
Пиитов девятнадцатого века, —
Душа болит! Что делать мне с душой?
Неправда! Ей что делать с человеком?
Что делать ей, мифической, со мной?
Я семьдесят четыре килограмма,
Член профсоюза. Праведник земной.
А лгу и трушу только в крайнем самом...
Но взбунтовалась бедная душа,
Та самая, что еле-еле в теле,
И двинулась, все ложное круша,
Ко мне. Она другой не знает цели.
Меня она за шиворот взяла,
Тряхнула и поставила на ноги.
«Иди, будь тверд, верши свои дела
И знай: горшки из глины лезят боги.

Ты — бог, ты добр, ты храбр, и я с тобой.
Лепи горшки. Не предавайся лени,
И принимай неотвратимый бой,
И подымай упавших с четверенек.
Бессмертна я...»
Я подчинился ей,
Она — душа.

Считаться с нею надо,
И забывать о бренности своей,
И, кроме жизни, не искать награды!..

ДВЕ ПРИТЧИ

1

Заведи себе врага,
Чтобы жить на всю железку,
Весело, рисково, резко,
В солнце, в дождик и в снега.
Враг да будет не дурак,
Умный, злой и беззаветный.
Каждый твой неверный шаг
Видит он и бьет за это.
Собран будь. Себя бойцом
Ощущай не понарошку.
Лучше водку пить с врагом,
Чем с глупцом копать картошку.
Заведи,
Чтоб знать с утра —
Враг не спит. Пора за дело.
День поднялся, как гора,
Бед полно на свете белом.
Поднимайся и иди,
Не ссылаясь на усталость.
Враг недаром бьет отсталых,

И врага ты заведи.
Ну, а я не завожу,
Я живу, а не играю.
У меня врагов хватает.
Если надо — одолжу!

2

Не имей сто рублей...
Слава богу, не имеем.
Словно снега в Дагомее,
В дымной сутолоке дней
Не имеем ста рублей...
Рано утром бьют звонки.
Двери настезь. Ставим чайник.
Заходите, мужики,
Где вас черти укачали?
Если нам бы сто рублей,
Мы бы вас опохмелили...
День встает в красе и силе
Городов, лесов, полей.
Рыжий, взорванный ветрами,
Весь ломясь от новостей.
День с друзьями, как с дарами...
Не имей сто рублой...

* * *

Человеку очень много надо.
Он не зверь, не птица, не комар.
Но не меда и не шоколада,
И не обуви пятнадцать пар.
Почему бы это, отчего бы?
Он умен, как дьявол, и хитер,
Отдавал и шоколад и обувь.
Плаху выбирал он и костер.
Он да свет. На глиняной планете
Больше ничего, пожалуй, нет.
Хочет очень многого на свете
Человек уже две тыщи лет.
Он один да святотатства пламень
Освещают путь в крошечной мгле
Над материками и веками,
На его единственной земле.

ВСТРЕЧА КОСМОНАВТОВ

Ю. Быкову

Это было как-то в октябре.
На аэродром, где дождь и мгла,
Мы пришли на утренней заре,
Бросив все насущные дела.
Грохот государственных минут.
С неба резко сыплется эскорт.
Трап, как троп серебряный, везут,
Замер на земле аэропорт.
Пробегают холодок в душе
С бурей и восторгом пополам.
Как мальчишки, смотрят атташе
Суверенных стран, неблизких нам.
По дороге красной, по ковру,
Трое русских юношей идут,
В блеске заливающихся труб,
Под веселый пушечный салют.
Вспышки блицев с четырех сторон,
Строй министров. Флаги. Караул,
С тишиной и громом сопряжен,
Синие штыки в зенит плеснул.

Трое русских юношей идут
Беспечально к славе мировой.
Словно по дороге полевой,
Где хлеба да васильки цветут.
..В гуле, в тишине пройдут века.
Побывав в немыслимой дали,
Будут прилетать издалека,
Возвращаться с неба корабли.
Никаких оркестров в тех веках.
Точный график расписанья прост.
Только у вернувшихся в глазах
Блеск работы — свет далеких звезд.
Но хочу, чтоб там, в слепящей мгле,
Знали, звездный обрета венец,
Мы их здесь встречали, на земле,
Ревом пушек, грохотом сердец,

* * *

О, беспокойство вечное умов!
Закваска века.

Молодость вселенной.

Оно срывает крыши у домов
И разрушает каменные стены.
Никто его не может предсказать
Или загнать в бутылку, словно джина.
Вот начал мальчуган соображать,
Мыслишки бродят в голове пивинной,
Расчеты на тетрадном листке
И формула — и преставление света.
Все, оказалось, было на иеске
И рухнуло — и нет авторитетов,
Как будто бы в кино или в раю.
Держи карман, как говорится, шире,
Я сам не верю в сказочку свою,
Но все ж брожение происходит в мире.
И на дрожжах его восходит день.
Идет умов гигантская работа,
Великое сражение идей.
Мир озаряют светом капли пота.

П И Л О Т Ы

1

За городом, у кромки леса,
Где лег на землю небосвод,
Как юный двигатель прогресса
Гремит в грома Аэрофлот.
О нем кричат и днем и ночью
Реклам цветастые щиты:
За два часа ты будешь в Сочи,
За пять достигнешь ты Читы.
А что в Чите, а что в Чите там?
Рай для души, и в нем своя
Кричит реклама на щите там,
Зовет в далекие края.
Все граждане сорвались с места,
Летят незнаемо куда.
Аэрофлот, дитя прогресса,
Для них к услугам навсегда.
С утра до самой ночи поздней
К земле бетонной и с земли
Срываются со свистом звезды,
Летят, садятся корабли.

Аэрофлот вовсю хлопочет,
Грохочет — господи прости!
Снег Воркуты и пальмы Сочи
Зажаты у пего в горсти.
А от него на всех широтах
По матушке земле самой
Идут усталые пилоты,
Пешком торопятся домой.

2

Когда пилоты на аэродромах
Играют в карты или в домино,
Наш тесный мир становится огромным,
Таким, каким он был давным-давно.
Еще до появления скоростей,
Магнитофонов, субмарин, гудрона,
Еще до проштампованных страстей
И массовых психозов миллионов.
Стучат костяшки. Партия «козла».
И с каждым сокрушительным ударом
Уходят вдаль, и их скрывает мгла —
Матернки всего земного шара.
Рукой подать! Рука сжимает кость.
И надо на почтовом до Парижа.
А кость уже вколочена, как гвоздь,
Прощай, Париж, тебя я не увижу.
Растет окурков дымная гора.
Воротнички распахнуты и души.
Далекая придвинулась пора,
Распался мир на хляби и на суши.
Скликайте в мире вымерших коней,
Седлайте их, впрягайте в дилижансы.

И за столом у молодых парней
На выигрыш приумножайте шансы.
Ищите на толкучках паруса.
Стучат костяшки звонко, как копыта.
Который час? А может, на часах
Века сгорают, как метеориты.
Пилоты забивают в домино.
Отменено пять тысяч совещаний.
Пять караулов спать ушли давно
В столицах стран, затерянных в тумане.
А у ребят хорошая игра.
Они вошли во вкус своей работы.
Такая в мире настает пора,
Когда играют в домино пилоты,

* * *

Мы, дети природы, забыли природу.
Опа нам не враг и не друг.
На лоне ее не бываем по году,
А годы — костры на ветру.
Ревут города нам в притихшие души
Неоном, бетоном, стеклом.
Ракетные скорости кровь нашу сушат,
И мы забываем о том,
Что где-то на сине-зеленой опушке
Стоят неподвижно дубы.
Там дрема ромашки, там слезы кукушки
И вздох журавлиной трубы.
Там ивовый прутик, как радуга, гнется
С цветной стрекозой на спине.
И кольца судьбы в деревянном колодце
Пегромко звенят в глубине.
Там пахнет полынью медово и горько
От пыльной и теплой земли.
И солнце встает за ближайшим пригорком
А не в космодромной дали.

Там вечностью веет от крыл комариных,
От ветра мгновенного смол,
От шлепанья на землю спелой малины
И тихого рвения пчел.

* * *

Вечернее мычание коров —
Деревни нашей древняя молитва —
Хозяек вызывает со дворов,
Ворота раскрывает и калитки.
Они идут. Им улица узка.
Бык впереди, как будто холм горбатый,
А на рогах дожди и облака
Иль чистый пламень тихого заката.
Аркадия, пастушечья страна,
По улице течет живой рекою,
Тяжелые качая вымена —
Колокола домашнего покоя.
Подойники ответно им звенят,
Петух крылом на полотенце машет,
Коричневые кринки встали в ряд,
Стол хлебом-солью, как престол, украшен.
Поет струя парного молока.
Вы слышите, как цвинькают синицы
И вспыхивают вдруг издалика,
Из детства залетевшие зарницы.

Строители дорог и городов,
Солдаты и пилоты космодромов,
Вам всем она с младенческих годов,
Как песня колыбельная, знакома,
Та песенка подойника — без слов,
И руки материнские над нею
У розовых с шерстинками сосков,
Полынью отдающих и шалфеем.
Вы слышите, строители веков,
В местах, ничем другим не знаменитых,
Вечернее мычание коров,
Деревни нашей древнюю молитву?

УХА

Как строится рыбацкая уха —
То хлебово времен палеолита,
Которое в легендах и стихах
Воспето и доныне знаменито?
В янтарных звездах

благовест с дымком —

Уха тройная. Край обетованный.
Там ходят рыбы в реках косяком
И люди погружаются в нирвану.
Скрестили ноги, вперили глаза,
И пет огромных городов на свете,
Парламентов, газет, ракет, казарм
И даже тещ двадцатого столетья.
Реки рассветной одинокий плес
Или лесное озеро возьмите.
Щепоть зари и танец двух стрекоз
Над поплавком азарта и открытий.
Возьмите неба синего полней
С застывшими, как иней, облаками,
С курлыканием в болоте журавлей

За рыжими от солнца тростниками.
Кувшинки вздох белее снега гор.
Свист иволги веселый и печальный,
И тишины торжественный собор,
Над всем вокруг встающий вертикально.
Потом костер, в ведро воды улов,
Картошки штук пяток, головку лука.
Уха клокочет, и не надо слов,
Берите ложку. Вот и вся наука.

* * *

В моей деревянной России
Орут петухи да ветра,
Да с дудочкой дядя Василий,
Как леший, сидит у костра.
Одип с этим небом безгрешным,
Один с этой чащей лесной,
Да с дудочкой этой потешной,
Жалейкой — смешной стариной.
Жалеет печально жалейка
Широкое поле и луг.
Знать, жизнь для нее — не копейка,
А горя и радостей круг,
Который как будто кропилом,
Слепящим на тысячу лет,
Ни много ни мало — светилом
Очерчен самим на земле.
Костра языкатые всплески
То гаснут, то снова встают.
В пих пламя Смоленска и Бреста
И мая лазурный салют.

Чужие края и столицы
Как будто в рассказанном сне.
А больше все рожь да пшеница
Встают и струятся в огне.
А больше дожди да метели,
Дороги с темна до темна,
Да тени в избе-колыбели,
Да пот — тяжелее зерна.
Где пламя, где жизнь — не отринешь.
Над тихой излучкой речной
Без жалости и без гордыни
Костер догорает ночной.
Играет жалейка. А рядом,
На темном лугу, в ивняках,
Звениг колокольцами стадо
И мчится куда-то река...

* * *

Поезд пригородной зоны
В лес поехал, как этаж
Новостройки освещенной.
Снег летит на лес и пляж.
Никого на дачах нету,
Тишина звенит в ушах.
Эта белая планета
В двух от города шагах.
В трех от грохота минутах.
Ничего не узнаю —
Все белым-бело, как будто
Я у света на краю.
Замело сыпучим снегом,
Ветром дунув, унесло
Все, что здесь под сипим небом
Летом пело и цвело,
Радиолами гремело
У веселых теремов.
Снег летит спокойный, белый,
Как забвение само.

Вот оно какого цвета.
Край какой? Который век?
Ничего на свете нету,
Только белый, белый снег,

* * *

И я когда-нибудь, однажды,
Вдруг уподобясь кораблю,
Земли космическую жажду,
Как из стакана, утолю.
Уйдут серебряные рощи,
Дороги, реки, города.
Как на стекле морозном росчерк,
Мой след истает без следа.
Открыта сторона любая
Сиянью жесткому огней,
Земля печально-голубая,
И небо черное над ней.
Края безмолвия и мрака,
И только слышно в вышине,
Как лает на земле собака
Далеко где-то при луне.
И дождь стучит по ржавым листьям
Цветов железных, словно гвоздь,
Там, где солдатским обелиском
Белеет в мгле земная ось.

* * *

А с вами не бывает так?
По вечерам, перед закатом,
Ты застываешь просто так,
Не грустью — мыслью вдруг объятый.
Здесь край земли. Вот край зари,
Рукою можно дотянуться,
Как сигарету прикурить,
Как шаг шагнуть — и не вернуться.
Лес да заря. А за спиной
Все, что словами не опишешь, —
Дорог тяжелый гром земной
И городов несчетных крыши.
Все позади. А здесь вот край.
Край неба, леса край и поля.
Оглядывайся. Выбирай.
Но ничего не будет боле
Новей того, что позади.
А хочешь, все начни сначала,
Пока не встанет впереди
Край неба алый...

* * *

Небо лесом огорожено,

Поле полито луной.

Чуть звенит

в простор заброшенный

Звездный ковшик ледяной.

И ни шороха, ни замети —

Вот он белый-белый свет,

Нарисованный по памяти

Через много-много лет.

Был таким, таким останется —

Лучше нет и не пайти.

Может быть, пойти на станцию

И уехать. И сойти...

* * *

Леониду Маргынову

Говорил мне старый поэт,
Что он едет туда на лето,
Где ледник свой оставил след
И теперь давно его нету.

Есть там тихий лесной сельсовет,
Валуны на полях валяются;
Что там есть и чего там нет,
То найти он там попытается.

Должен там оставаться след
Наших предков эпохи каменной.
Не горшки, не землянки. Нет!
След души их живой и влажной.

Говорил это старый поэт,
Говорил и хитро поглядывал,

Что скажу я ему в ответ
И пойму ли это как надобно.

Я представил себе сельсовет,
Тихий, временем позабытый,
И как ищет старый поэт
След искусства палеолита.

Петухи в деревне кричат,
Валуны от росы намокли,
Вот идет он, палкой стуча,
По полям с голубым биноклем.

Слышен мамонтов грустный рык,
Горы льда в небесах, как кровля.
Наступает на мир ледник.
Гасит пламя костров в становье.

Но упрямо на валуне
Углем, глиной красной на плитах
Спорит с временем при луне
Человек из палеолита.

В бороде его тает лед,
С голодухи гнутся колени,
Но рубилом он создает
Образ девы и образ оленя.

Стаи птиц несутся па юг,
Как сухие листья по свету,
И резец кремневый из рук
Человек отдает поэту.

В небе белый ракетный след
Над лесным сельсоветом новым,
И стоит там старый поэт,
А в ладони резец кремневый...

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

Еще в городах миллионных
Дома не проснулись пока,
И только одни батальоны
Выходят под знамя полка.
Дымки над Россией косые
Уже завились без числа —
В деревнях и селах России
Ждут праздник еще досветла.
Березовым жаром до края
Наполнены печи подряд.
Хозяйки, как будто играя,
Ухватами тихо гремят.
Их лица огни озаряют.
На лавках широких в квашнях
Негромкое тесто вздыхает,
И бражка бушует влотьмах.
Мужчины еще не проснулись,
Ребята бормочут во сне,
И звонко над реками улиц
Орут петухи в тишине.

За выгоном прибрано поле,
В дворах погуляла метла,
Отпарены в банях мозоли,
Намыты полы добела.
Ждут праздник светло и отрадно,
И в окнах горят горячей
Знамена рябин в палисадах
Широким огнем кумачей.

* * *

Что может быть проще еще и сложнее
Дороги летящей и поля за пею,
Что может быть жестче еще и нежнее
Ладоней, что только себя не жалеют.

Зеленые звезды дрожат в поднебесье,
Большая Медведица зла и космата,
Но луг соизмерен с кострами созвездий,
С зарюю грядущей, с вчерашним закатом.

Как зеркало месяца, падает в травы
Коса — и цветы обжигает под корень.
И древняя жатва обходит державу
С зари до зари, как от моря до моря.

И женщина в ливне пшеничного света
Встает на носки, выпрямляя колени,
Одета в цвета негасимого лета
И им же раздета как бы на мгновенье.

Да песня займется, зовя и тревожа,
А в ней все про то же, что было и будет,
И нет ничего, и не сыщешь дороже
Весь мир повидавшим, все видевшим людям.

* * *

Перед друзьями и врагами
В часы торжеств и бед своих
Мы говорим, что Ленин с нами,
Что он живее всех живых.

История пути итожит.
Все шире наш державный шаг.
И даже враг сказать не может,
Что Ленин умер. Даже враг

Хотел бы, по сказать не может,
Когда на всех материках
Его и день и ночь тревожит
Пред Лениным бессмертным страх.

Январским днем, зимой далекой,
Когда метель всю мела,
Нам Ленин передал до срока
Свои заботы и дела,

Под этим спним небосводом
С необозримой широтой
Он стал страной и стал народом,
Его терпеньем и мечтой.

Дожди и солнце, свет и тени,
И ветры века бьют о грудь.
Страна огромная, как Ленин,
Земле прокладывает путь.

ЛАСТОЧКА В МАХАЧКАЛА

Ласточка в Махачкала,
В здании аэродрома,
Средь стекла, бетона, грома
Для птенцов гнездо вила.

В зал влетала, как стрела,
В клюве приносила глину
И гнездо вила, вила
Со споровкою старинной.

Строила под потолком,
Над людьми, над их заботой
Для птенцов надежный дом —
Делала свою работу.

Зря турбинами рычал
Реактивный век двадцатый:
В нем не гаснул, как свеча,
Этот огонек крылатый.

В царстве стали и стекла
Глины расцветал комочек,
Жил —
Его лепила прочно
Ласточка в Махачкала.

1945 - й

Стоят в европейских державах неблизких
И рядом с Россией — на Висле и Влтаве —
С армейскою алой звездой обелиски,
Которые год сорок пятый оставил.

Ах, год сорок пятый, великий и святой,
От щедрого сердца не требуя платы,
Свободу и счастье дарили солдаты,
А сами ложились под холмик горбатый.

А годы меняет земля, как обновы,
А время все мирное длится с рассвета.
Четыреста лет не бывало такого
Периода мира в Европе, как этот.

Четыреста лет не бывало ни неба,
Ни солнца такого на Влтаве и Висле,
И белыми сделались ленточки крена,
И темными стали с звездой обелиски.

Громит на бетонных дорогах музыка,
Неонные зори сияют влюбленным,
На зимних курортах смешенье языков,
Под флагами наций режут стадионы.

Все правильно! Так и хотелось тогда
Идущим до Шпрее, до Вислы, до Влтавы,
Чтоб мир нерушимый сошел на державы,
Где шли они с боем, беря города.

Такого они сокрушили врага,
Такую победу их сталь утвердила,
Что ими оплачены даже снега,
Которые их покрывают могилы...

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1959—1961

«Кто же первый сказал мне на свете о ней?..»	7
Вечер стихов в колхозе	9
Кружка молока	11
Свежий хлеб	13
Мытье полов	15
Щи	17
У костра	19
Гармоники	21
Две дали	23
Дионисий	25
Побывальщина	23
Петр Великий в Вологде	30
«Две крутых соболишки...»	32
«Над полированной рекой асфальта...»	33
«Все, говорят, на свете образуется...»	34
Алешенька	36
Черемуха на Петроградской стороне	33
Сорок лет	40
«Уходит в небо с песней полк...»	42
В госпитале	44

«Где-то горны еще гремят...»	46
«Я много слышу о народе...»	47
«Как трудно делалась история...»	49
Одна любовь. <i>Поэма</i>	51

1962—1964

«Кто был изобретатель колеса?..»	69
Второй	71
«Далекое становится все ближе...»	73
«И Русь не та, и русские не те...»	74
Коммунисты	76
Ленинские места	78
«Я верю в бога, но не с бородой...»	80
Курган-герой	81
«Ах, песни старые, забытые...»	83
Ночь	85
Сосна	87
Невская Дубровка	88
«Вчера еще со школьной парты...»	91
«Я давно увидел в первый раз...»	93
Хлеб	95
Концерт	96
Приглашение	98
«И я ее искал, по свету ездил я...»	100
Земляк	102
Женский праздник	104
На Волго-Валте	106
«А кто такой Бартоломей Диас?..»	103
Ода дураку	110
Мой лейтенант	112
«Не считал я закаты...»	115

«Начало лета...»	117
«Дни стали вдруг похожи на пластишки...»	119
«Куда уходят годы? Ну куда?..»	120
«Я стану облаком, зарей...»	121
Песня о мамонте	122
Птица Сирип	125
В Западной Европе	127
Два монолога	130
«Ты в жизни жег хоть раз мосты...»	133
«Смеялась женщина, смеялась...»	135
«Давно всему известно свету...»	136
«У ракетной переправы...»	137
«Я снова вспомнил почему-то...»	139
Сольвейг	141
«Уходит женщина. Уходит...»	143
Глаза	145
В автобусе	147
Взгляд в историю	149
«Весна, а что она такое?..»	151
«Девочки веселые, бедовые...»	153
Разговор с мадонной	155
Ключ	158
Белые ночи	160
«Это было все-таки со мной...»	162
В Бресте	164
«Я на войне писал стихи украдкой...»	166
«Через двадцать лет по всей державе...»	168
«Мы для костров рубили топором...»	169
«Не на западе — на востоке...»	170
Солдатский марш	172
На пионерском сборе	174
«Меня страшат аэродромы...»	176

«Ракетами, как луг ракетами...»	173
Слово солдата	180
«Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юные...»	183

1967—1970

«Хотел бы я волшебным даром...»	185
«Я вижу Ленина портреты...»	187
Памяти Эрнесто Че Гевары	189
«Красный бархат и алый шелк...»	191
«Меня раздумья одолели...»	193
В электричке	194
«Опять на старую гляжу...»	195
«Что знаю я о мире и войне?...»	197
Баллада о парламентаре	199
«В заздравной дате государства...»	201
«Костры горели на снегу...»	203
«Самые отважные солдаты...»	204
«Какое лето шло по всей стране...»	206
«Когда над землею раскаты...»	208
«Были годы юны, были рыжи...»	210
История	211
Последние известия	212
«Всю жизнь куда-то далеко снепа...»	213
Две притчи	215
«Человеку очень много падо...»	217
Встреча космонавтов	218
«О, беспокойство вечное умов!..»	220
Плоты	221
«Мы, дети природы, забыли природу...»	224
«Вечерне мычание коров...»	226
Уха	228
«В моей деревянной России...»	230
«Поезд пригородной зоны...»	232

«И я когда-нибудь, однажды...»	234
«А с вами не бывает так?..»	235
«Небо лесом огорожено...»	236
«Говорил мне старый поэт...»	237
Перед праздником	240
«Что может быть проще еще и сложнее...»	242
«Перед друзьями и врагами...»	244
Ласточка в Махачкала	246
1945-й	248

Сергей Сергеевич Орлов

ИЗБРАННОЕ, КН. 2.

Редактор *И. Исакович*
Художественный редактор *А. Гасников*
Технический редактор *М. Андреева*
Корректор *И. Евстифеева*

Сдано в набор 1/IX 1970 г.
Подписано к печати 12/I 1971 г. М-10316.
Тип. бум. № 1. Формат 70×108¹/₃₂.
8 печ. л. 11,20 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 6,235. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 770. Цена 83 коп.

Издательство
„Художественная литература“,
Ленинградское отделение,
Ленинград, Невский пр., 28

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР.

[85р.]